

Ольга Карпович

Останься
со мной

Ольга Юрьевна Карпович

Останься со мной

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Таинственная певица с экзотическим именем Айла буквально создана, чтобы разбивать мужские сердца. Но даже самым проницательным из мужчин трудно догадаться, что сцена – всего лишь прикрытие, на самом деле Алина выполняет сложную работу для правительства. Она ловко справляется с самыми сложными заданиями, пока... не влюбляется в главного подозреваемого по делу, связанному с деятельностью арабской террористической организации.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Ольга Карпович

Останься со мной!

Часть первая

Да, я – Ибрагим.

*В любом месте Ибрагим будет чужим.
Не принятым ни в одном уголке света. Изгнанным
из рая пророком любой религии. Горящим
в собственном аду. Лишенным спокойного сна...*

Я – вечный скиталец Ибрагим.

Сначала по экрану пошли серые помехи, затем что-то щелкнуло и начался видеоролик. В кадре возник мужчина в военной форме, по самые глаза замотанный в черно-белую арафатку. Хотя на самом деле пол говорящего, равно как возраст и национальную принадлежность, можно было определить чисто условно. Белая с черным арафатка полностью скрывала его лицо, в узкой щели разглядеть можно было лишь блестящие воодушевлением глаза и тонкую переносицу. Даже цвет глаз этого человека оставался под вопросом. Качество видео было плохим, камера дрожала, цветопередача явно оставляла желать лучшего – что, несомненно, сделано было нарочно. Поэтому ясно было лишь то, что глаза у человека темные. А черные они, серые или карие – непонятно.

Мужчина заговорил: голос звучал странно, как будто надтреснуто, механически. Очевидно, голос тоже нарочно изменили.

– Международная организация «Камаль», – произнес мужчина по-арабски, – является крупнейшим исламским объединением в современном мире. Наша цель – восстановление Османского халифата, создание единого исламского государства, сильного и могущественного. Наш долг – не щадя жизни, бороться с неверными, уничтожать враждебные нам режимы, стирать с лица земли стоящие на нашем пути государства! Численность наших братьев составляет 200 тысяч человек и каждый день к нам присоединяются новые и новые члены нашего братства.

Закутанный в платок человек пропал с экрана, но голос его остался. Потянулись кадры хроники, сопровождаемые комментариями. На экране люди в военной форме, с прикрытыми темными повязками с прорезями для глаз лицами, тащили куда-то ящики с оружием. В кадре мелькали контейнеры с пулеметами, гранатами, на заднем плане высвечивались под южным солнцем пыльные бока БТРов.

– Мы располагаем тяжелым вооружением, – продолжал голос. – Все оружие, которые страны, являющиеся нашими врагами, производят, чтобы уничтожить нас, с помощью колоссальной тайной сети наших сторонников попадает к нам в руки. Мы ежедневно получаем поставки из США, России, Израиля, Канады...

Кадры на экране сменились.

Теперь там появилась оживленная улица европейского города. Люди спешили по своим делам, заходили в магазины, останавливались, чтобы купить мороженое с лотка. Внезапно раздался взрыв, взвилось в воздух рыжее пламя, повалил черный густой маслянистый дым! Кругом закричали, побежали... Кто-то, прихрамывая, пытался оттащить от эпицентра огня залитое кровью развороченное тело женщины. Кто-то горячечно орал в мобильник, пытаясь вызвать «Скорую»...

– Бороться с нами бесполезно, – продолжал между тем бесцветный голос. – Мы – везде. Ваш улыбчивый сосед по лестничной площадке – наш человек, ваш босс на работе присягнул нам на верность, продавец из магазина под домом – наш брат во исламе.

Кадры снова сменились.

На этот раз на экране пронеслась хроника крупного теракта, произошедшего пару месяцев назад в многоэтажном здании бизнес-центра в Париже. Теракт унес несколько десятков жизней и нагнал ужас на жителей города.

– Мир тем, кто идет по прямому пути, а несправедливость карается Аллахом. Все, кто притесняет нас, будут уничтожены. Правительства Америки, России, Евросоюз и НАТО будут сметены с лица земли, угнетенный отомстит притеснителю. Ваш единственный выход – подчиниться нам, примкнуть к нашим рядам, стать нашими братьями, иначе мы принесем

вам ужас, боль и смерть.

На экране снова появился мужчина в оливковой военной форме и платке. Он пронзительно посмотрел в камеру и произнес:

– Это говорю вам я, Эмир Единого Османского Халифата и руководитель величайшей исламской международной организации «Камаль». Помните, что сказано в Коране: «Скажи неверующим, что если они прекратят, то им будет прощено то, что было в прошлом. Но если они возвратятся к неверию, то ведь были уже примеры первых поколений». Аллах акбар!

Камера выключилась, и по экрану снова побежали серо-белые дергающиеся помехи.

Самолет совершил посадку точно по расписанию.

Я вышла из салона и сразу же, еще в аэропорту, всей душой ощутила, что вернулась в один из самых своих любимых городов.

Когда я приезжаю сюда, сердце мое каждый раз начинает стучать все быстрее и быстрее, и появляется чувство, будто вот-вот что-то важное должно произойти в моей жизни!

Стамбул.

Как можно рассказать об этом городе тому, кто здесь никогда не бывал? Даже в тысячный раз посещая его, приезжая в это удивительное место, в котором как будто бы растворились прошлые столетия, в котором так много всего, че-

го нам теперь не понять – поражаешься заново. Мне до сих пор, как маленькой девочке, кажется, что вот-вот откуда-либо появится кортеж с Валидэ-султан или великим визирем, прекрасные шелка и великолепные короны засияют на солнце...

Однако прямо сейчас передо мной были все еще не живописные кварталы этого вечного города, а светлые помещения аэропорта, наводненные снующими во все стороны людьми. Туристами, таксистами, командировочными, улетающими и встречающими. Пестрая толпа, разноязыкая речь, шум, гам, суета...

По роду занятий мне пришлось в жизни заниматься изучением разных восточных диалектов. И османский диалект турецкого языка всегда был моим любимым. Этакий ребус, который интересно разгадывать.

«Душа души моей, мой повелитель, привет тому, кто поднимает утренний ветерок, молитва к тому, кто дарует сладость устам влюбленных, хвала тому, кто наполняет жаром голос возлюбленных, почтение тому, кто обжигает, точно слова страсти. О Аллах, Аллах, твой клич услышан на небе, его величеству моему падишаху, и да поможет ему бог!»

Огромный Ататюрк – великолепный аэропорт, который был построен еще лет 20 назад, за эти годы, что меня здесь не было, вырос и встретил меня гостеприимно.

Настроение у меня было приподнятым, и даже горланящие таксисты его не испортили. Почему-то я опять чувство-

вала себя, как дома.

Естественно, все эти таксисты, водители автобусов, китайские, японские и разные другие туристы не имели ко мне никакого отношения. Меня встречала небольшая кучка журналистов – человек 20, которые немедленно начали тыкать мне в лицо вспышками. Кроме них присутствовал еще целый кортеж охраны, выделенный мне российским посольством. Я прошеествовала по отдельному коридору, держась в самой середине, за мной следовала моя команда. А в самом конце процессии тащились осветитель, звукооператор, барабанщик, усталые, унылые, не выпившие, потому что теперь на рейсах Пегас Эйрлайнс курить и пить нельзя.

Пройдя все необходимые и утомительные процедуры, улыбнувшись пару раз в камеры, я утомленно погрузилась в просторный черный лимузин и поехала в новый старый мир.

Мы проезжали по оживленным стамбульским улицам, и я, хотя далеко и не впервые видела все это, наслаждалась видом из окна.

У меня всегда возникало какое-то странное ощущение, когда я попадала в оживленные кварталы Кадеке, азиатской части города. Эта азиатская часть Стамбула вызывала во мне какое-то умиление и чувство абсолютно домашней успокоенности и уюта. В тысячеликой, огромной, празднующейся, веселой, совсем не агрессивной толпе мне всегда хотелось потеряться, чтобы стать частью ее. Хотелось соби-

рать эти дурацкие сувениры, хотелось почувствовать себя обыкновенным человеком, обыкновенной женщиной, которой нравится фоткаться возле быка или переезжать через великолепный отстроенный мост через Босфор – и чувствовать себя перелетной птицей, которой так легко можно пересечь границу между Европой и Азией.

Мы ехали все дальше по улицам Стамбула, и вот потянулись уже кварталы современного города – такого же, как тысячи других мегаполисов и столиц. Вокруг кишели тысячи спешащих куда-то прохожих.

Наконец, водитель подъехал к роскошному входу отеля, где для меня забронирован был номер.

Я вышла из автомобиля, вдохнула жаркий стамбульский воздух, наполненный смесью ароматов солнца, моря, пряностей, бензина, фруктов и цветов. У меня даже голова закружилась от обилия ароматов!

А может, я просто устала с дороги.

В любом случае – до вечера у меня еще было время прийти в себя и собраться с мыслями.

Вечером из посольства за мной прислали машину. Как заботливо! Черный блестящий «Мерседес», могучий и плавный, словно крупное морское животное. Этаким тюлень или морской котик. Водитель в темной ливрее, молчаливый и услужливый – все как полагается.

Он распахнул передо мной заднюю дверь, и я села в салон

автомобиля, тонко пахнувший дорогой мягкой кожей и ненавязчивой парфюмерной отдушкой. Здесь же, в салоне, обнаружились на откидном столике специально для меня сервированные шампанское и фрукты.

Весьма любезно. Только вот я никогда не ем и не пью перед выступлением.

Мои музыканты должны были прибыть в посольство отдельно. Я откинулась на спинку сиденья и рассеянно смотрела в окно автомобиля на проносящийся передо мной уже окутанный ночной дымкой удивительный город.

Я снова любовалась Стамбулом. На этот раз – вечерним.

Здесь, как нигде, чувствовалась огромная разница между нищетой и богатством, между успехом и бедностью. Пожалуй, нет в мире больше ни одного города, где так ярко контрастировала бы жажда власти, денег и в то же время крепкая вера, пятидневный азан. Я видела в окно людей, расположившихся на пятничную молитву. Женщин в хиджабах, вокруг которых бегали маленькие дети...

По всему городу в темном ночном мареве виднелись ярко подсвеченные мечети – от новых до самых древних, насчитывающих со дня основания более 700 лет. И освещение у каждой было свое – где розовое, где голубое, где зеленое.

На одной из площадей я рассмотрела подсвеченную яркими лампочками собственную афишу. На ней крупными буквами по-турецки выведено было: «АЙЛА». А далее, чуть более мелким шрифтом, перечисление регалий – лауреат

международных музыкальных фестивалей, обладатель премии MTV, специальный приз за саундтрек к голливудскому блокбастеру и прочая, и прочая. И фотография – властное, строгое лицо, скулы, подчеркнутые ретушью, губы крупные, но линия их слишком тверда, чтобы назвать этот рот чувственным, пристальный, глубокий взгляд из-под легкомысленно взлетающих вверх бровей – взгляд, исполненный затаенной боли. Длинные русые волосы плавными волнами спадают на плечи, смягчая общую драматичность и горечь образа...

«Приказано – забыть», – крупно было выписано под фотографией название концертной программы и заглавной песни.

Дизайнеры постарались на славу.

Если составлять обо мне представление только по этой афише – я выходила властной и жаждущей подчинения, сильной и подчеркнуто женственной, стойкой и хрупкой, легкомысленной и глубокой натурой одновременно. Отличный многогранный образ – то, что нужно для этой концертной программы.

Впрочем, даже если бы афиша и показалась мне неудачной – давно прошли те времена, когда я стала бы из-за этого переживать. Я давно уже убедилась, что каково бы ни было первое впечатление обо мне, я всегда смогу по собственной воле сломать его, перевернуть с ног на голову и заставить человека, зрителя, поверить в то, что я именно такова, какой

хочу казаться!

По дороге в посольство мне встретилось еще несколько моих афиш. Прекрасно, значит, пиар-отдел работает превосходно. Все билеты, разумеется, давно проданы, разве что перекупщики кое-что придержали, чтобы загнать втридорога в последний день.

Ну, это все уже не моя забота.

Автомобиль затормозил у ворот посольства, перед пропускным пунктом. Водитель, опустив стекло, показал что-то охраннику. Тот, наклонившись к окну, окинул салон автомобиля цепким взглядом.

Я подняла голову и равнодушно глянула ему в глаза, демонстрируя собственное лицо. Пусть убедится, что это именно я – Айла, прибывшая на гастроли знаменитость, певица с необычным бархатно-низким тембром, а не какой-нибудь злоумышленник, стремящийся проникнуть на территорию российского посольства в Турции, чтобы разведать тайны местного закулисья.

На входе в посольство снова ждала охрана. Мне пришлось даже пройти через рамку. Разумеется, устройство не подало никаких признаков волнения. А я мило улыбнулась молодым солдатам на входе:

– Не беспокойтесь, мальчики, у меня при себе никакого оружия. Я убиваю голосом и взглядом.

Надо поддерживать имидж. Уверенная в себе, загадочная,

раскрученная певица, избалованная, кокетливая, слегка таинственная, слегка распутная...

И, разумеется, небольшого ума.

Солдатики ожидаемо восторженно отреагировали на мою маленькую провокацию, смущенно разулыбались и пропустили меня внутрь.

Я ступила на широкую, плавно сбегавшую вниз лестницу и мельком оценила свое отражение в зеркальной панели сбоку.

Серебристо-черное тончайшее платье струилось вниз по ногам. Украшений было немного – зато самые дорогие и изысканные. Тщательно выверенный образ, ничего лишнего.

На середине лестницы гостей встречали посол с супругой.

Посол, Дмитрий Иванович Киселев – среднего роста, широкоплечий, седой, с приклеенной к лицу одинаковой для всех доброжелательной улыбкой. «Послица» – такая кавалер-дама с бульдожьей челюстью, с бриллиантовым колье на увядшей шее.

– Добрый вечер, дорогая Айла. – Посол пожал мне руку. Этак крепко, по-товарищески. Значит, несмотря на службу в восточной стране, подчеркивал либерально-европейские взгляды, придерживался идей эмансипации, боялся показаться шовинистом-домостроевцем.

Нужно запомнить.

– Мы рады приветствовать вас на территории России в Ту-

репкой Республике! (Посольство в любой стране – территория той страны, которую оно представляет, следовательно, посольство России в Турции – территория России. – Прим. ред.) Для нас большая честь принимать здесь нашу знаменитую соотечественницу.

И прочие, соответствующие случаю, любезности...

– Благодарю, – ослепительно улыбнулась я. – Я от души надеюсь, что мои гастроли пройдут в этом благодатном краю прекрасно. Это уже не первое мое выступление в Турции, но то, что в этот раз мои гастроли начинаются с выступления на территории российского посольства, для меня большая честь.

Парадный вход наводнили приглашенные. Мужчины в костюмах – глаза резало от такого количества белых рубашек. Женщины в вечерних платьях. Белозубые улыбки, блестящие украшения. Часть дам, вероятно из местной элиты, были в закрытых под горло платьях с длинными рукавами, однако не менее роскошных, чем европейские. Мелькали в толпе и хиджабы – авторские работы крупнейших мастеров в мире высокой моды. Этакая смесь европейского шика и восточных традиций, изысканное блюдо с острыми пахучими приправами. Поодаль, по углам помещения, маячили изо всех сил старавшиеся казаться незаметными многочисленные охранники...

Ко мне подошел атташе по культуре Завьялов. С ним мы были уже знакомы, именно с Завьяловым согласовывались

мои гастроли. Юрий Афанасьевич, слегка манерный и старательно подчеркивающий свою интеллигентность и высокую культуру мужчины, в костюме с серебристой искрой, с красивыми, волнами зачесанными назад благообразными сединами, подхватил меня под руку.

– Как приятно видеть вас снова, несравненная Айла, – мужчина так и сочился любезностью.

– Это вы несравненный... льстец, Юрий Афанасьевич, – улыбнулась я.

– Вы со всеми уже успели перезнакомиться?

– Увы, нет, я только приехала.

– Позвольте, я расскажу вам немного о гостях.

Мы поднялись по лестнице и остановились на опоясывающей холл балюстраде. Отсюда открывался отличный вид на всех, входящих в здание посольства.

Завьялов отловил официанта и утянул с его подноса два бокала шампанского – для себя и для меня. Поблагодарив, я взяла бокал за тонкую ножку и сделала вид, что пригубила напиток. Не стоило посвящать услужливого атташе в мои правила, проще проявить соответствующую случаю любезность.

– Вот, посмотрите, – горячо зашептал мне в ухо Юрий Афанасьевич, мой персональный Коровьев на этом странном балу, – вон та дама, в красном – супруга господина советника Светина. А вот и консул, Виктор Григорьевич Саенко.

Консул поднимался по лестнице прямо к нам. Отчего-то

он напомнил мне Джона Кеннеди – такое же, на первый взгляд, своёское дружелюбное лицо, обладатель которого словно всем своим видом подчеркивал: я простой парень, такой же, как вы. Широкая улыбка, от которой в уголках глаз консула образовывались мелкие лучики-морщинки. Зачесанные чубом на лоб чуть рыжеватые волосы.

– Юрий Афанасьевич, представьте меня вашей спутнице! – , поравнявшись с нами, потребовал консул.

– Разумеется. Это наша гостья, непревзойденная исполнительница Айла. Открою вам небольшой секрет, Виктор Григорьевич: сегодня нам несказанно повезет услышать ее незабываемое пение!

– Не может быть! А мне-то всегда казалось, что приемы в посольстве так скучны! Сплошные обсуждения текущей политической ситуации и экономического положения, – разублабался мне консул.

– Ох, надеюсь, сегодня у вас здесь будут и другие темы для разговора, – отозвалась я. – Каюсь, я совершенно аполитична. Что же до экономической обстановки... поверите ли, Виктор Григорьевич, в школе я еле-еле вытягивала тройку по экономике: никак не могла понять, к стыду своему, почему для того, чтобы все жили хорошо, нельзя попросту печатать больше денежных купюр.

– Ей-богу, я и сам до конца этого не понял, – шепнул мне консул. – Только никому не говорите, не поверят!

И он весело захохотал над собственной шуткой.

В этот момент к нам подскочил какой-то смешной человек – суховатый, юркий, с блестящими, круглыми, как маслины, черными глазками и невероятными пышными усами под нависающим крючковатым носом. Он тут же сунул консулу короткопалую ладонь, затряс его руку и залопотал по-английски, временами вставляя в речь чудовищно обезображенные акцентом русские слова.

– Что я вижу, Виктор, сегодня солнце светит нам и ночью! Я узнал вашу спутницу. Ведь это божественная Айла, наша долгожданная гостья. Я прав? Умоляю, не говорите, что я ошибся!

– Да нет же, Фарух, вы не ошиблись, – закивал консул. – Дорогая Айла, разрешите представить вам моего друга Фаруха Гюлара, депутата турецкого парламента.

– Я так рад, так рад, – затараторил Гюлар. – Вы не представляете, какой я большой ваш поклонник! У меня дома – кстати, вы просто обязаны почтить меня своим визитом – так вот, у меня дома собрана полная коллекция ваших дисков, включая, уж простите, пиратские издания.

– Мне очень приятно, – отозвалась я. – Надеюсь, вы не единственный мой преданный поклонник в Турции. Иначе на концертах меня ждет катастрофа.

– Ох, ну что вы! Как можно даже предположить такое?! Фарух, вероятно, еще долго рассыпался бы в дифирамбах и страстно поводил усами, если бы консул не подхватил его под руку и не увлек куда-то в кулуары. Гюлар при этом умуд-

рился зацепиться носком ботинка за расстеленную на полу ковровую дорожку и едва не полетел вперед своим выдающимся носом. К счастью, Саенко в последний момент успел удержать его от падения.

– Что это было? – едва сдерживая смех, спросила я у Завьялова. – Какой бешеный темперамент...

– Не обращайтесь внимания, – отмахнулся Завьялов. – Этот человек отчего-то считает себя большим другом консула. Впрочем, он каждого, кого ему успели представить, с этой минуты считает своим большим другом. Берегитесь, вам и самой наверняка придется не раз еще столкнуться с его навязчивым дружелюбием. Но человечек он безобидный, хоть и утомительный.

Я снова посмотрела вниз, поверх мраморных перил лестницы.

Поток гостей стал понемногу редеть. Наверное, все уже в основном собрались. Еще десять минут – и нужно будет на время проститься с Завьяловым, пройти в приготовленную для меня комнату и переговорить с музыкантами: они наверняка уже прибыли и настроили инструменты.

– А вот еще интересный человек, – привлек мое внимание атташе.

Я проследила направление его взгляда.

По лестнице поднимался мужчина, в котором, несмотря на отлично подогнанный, ладно сидевший дорогой костюм, по выправке сразу можно было опознать военного.

– Это полковник Радевич Олег Сергеевич, – рассказывал Завьялов. – Боевой офицер, герой, орденосец. Боевое прозвище Лорд. Может быть, слышали о нем?

– Как же, как же... Очень интересно, – со скучающим видом отозвалась я, краем глаза разглядывая Радевича.

Рядом с Олегом Сергеевичем поднимался, вероятно, его заместитель – краснолицый мужик в сером костюме. Радевич что-то сдержанно говорил ему, а тот понятиливо кивал.

У Олега Радевича и в самом деле было удивительно интересное лицо. Совершенное отстраненное, пожалуй, мрачноватое – и оттого производившее с первого взгляда не самое приятное впечатление. Хотя черты были правильные, четкие, резкие: тяжелый крупный подбородок, прямой нос, темно-коньячные, близко посаженные глаза. Лицо, словно высеченное из камня. В фигуре же его – крупной, развитой, на которую, вероятно, не так легко было подобрать идеально сидящий строгий костюм – чувствовалась сила и мощь.

Он обладал по-мужски красивой и в то же время какой-то бесхитростной внешностью. Он похож был на человека, неспособного на сознательный обман. Когда-то в детстве, в период увлечения романтическими героями, я именно так представляла себе Робин Гуда. И сейчас меня поразило, насколько этот человек оказался похож на некогда выдуманный мной образ.

Мы встретились взглядами, и в груди у меня в то же мгновение что-то замкнуло, и теплая дрожь пробежала по телу...

Отчего-то вспомнились древние строки: «Моему пронзенному сердцу нет на свете лекарств. Душа моя жалобно стонет, как свирель в устах дервиша...»

– Он лично курирует поставку российского вооружения в Турцию. Говорят, совершенно безжалостный человек, – меж тем поведал мне атташе по культуре. – И в то же время – кристально честный, неподкупный. Просто образец для подражания.

– Так не бывает, – лукаво усмехнулась я.

Радевич, кажется, почувствовал мой пристальный взгляд. Он поднял голову и встретился со мной глазами. Одного взгляда было довольно, чтобы понять, что Радевич – человек очень серьезный, умный, проницательный, и играть с ним может быть смертельно опасно.

Я улыбнулась ему краешком рта и снова обернулась к атташе:

– У всех есть свои тайные страстишки.

– Неужели даже у вас? – притворно изумился Завьялов.

– Конечно. Хотите, расскажу? Только это строго между нами...

Я подалась ближе к Юрию Афанасьевичу и шепнула:

– У меня зависимость от малинового варенья. При виде банки – теряю волю. Только ш-шшш...

Я приложила палец к губам и сделала страшные глаза.

Оторопевший Завьялов не нашелся, что мне ответить.

Свет в зале был приглушен.

Синие тени, серебристые лучи, мягко высвечивавшие площадку, на которой расположились мои музыканты. Глухие тяжелые шторы были плотно задернуты, не пропуская снаружи ни толики света, ни малейшего звука. Стулья и кресла, расставленные для слушателей, тонули в вязком полумраке.

Тихо-тихо, словно вливая мелодию в окутавшее комнату лунно-серебряное сияние, заиграла скрипка. Затем ей начала ласково вторить гитара. Рассыпался каскад звуков с клавиш пианино...

Я вышла на освещенную площадку, оглядела притихших слушателей.

Все были в сборе – и посол, все так же сохранявший на лице равнодушно-доброжелательное ко всем выражение. И послица, трепетно подрагивавшая брылями. И советник с супругой. И атташе по культуре Завьялов – этому полагалось по статусу быть ценителем и ревнителем классики: готовясь слушать меня, он напустил на себя вид вежливо-снисходительный. Консул сиял этой своей бесхитростной улыбкой простого дружелюбного парня. Фарух Гюлар едва не подпрыгивал на стуле, вытягивая вперед короткую шею, поводя усами и сладострастно закатывая глаза-маслины.

И Олег... Олег Радевич сидел в одном из дальних рядов, глядя на высвеченную серебром площадку совершенно бесстрастно.

Я уже давно исполняю восточные песни, но каждый раз, когда я беру первую ноту, мне кажется, что я рождаюсь заново. Заново ощущаю на кончике языка этот вкус, этот запах, который остается на коже – моря, пряностей, любви и надежд, которым никогда не суждено осуществиться. И каждый раз, когда я пою, мне заново хочется верить, что где-то в огромном мире, может быть, даже в этом мегаполисе, в самом неприметном его районе, спрятано мое самое дорогое сокровище...

Для начала я спела «Девчонку с перекрестка». Незамысловатый бойкий монолог уличной певички. Веселая мелодия с неожиданными джазовыми синкопами, кабацкими завываниями скрипки и хриплыми подпевками гитары.

Я преобразилась в шпанистую девчонку, разбитную и отчаянную, заставила зрителей забыть о своем дорогом платье, украшениях и манерах. Я выкрикивала слова песенки хлестко и дерзко, заставляя голос звенеть в заливистой подростковой манере. Я дразнилась и нападала, хамила, задирала прохожих и по-детски хохотала в конце каждого припева.

Я умею играть голосом и достоверно вживаться в любой образ. Становиться во время пения наивной провинциальной девушкой, мечтающей о лучшей доле и простом женском счастье, умею притворяться уличным мальчишкой-задирой, и загадочной женщиной-тайной, и строгой, застегнутой на все пуговицы безупречной леди, и опасной незнакомкой с темным прошлым, и глубоко страдающей дивой

с кровоточащей душой. Умею дурачить и морочить, заставляя каждого поверить моему великолепному обману...

Мои сегодняшние зрители этого еще не знали, и я припасла для них много сюрпризов. Я завела их, заставила поверить в то, что к ним на вечер и в самом деле явилась девчонка, обычно торчащая на углу оживленной улицы.

Консул Саенко так раззадорился, что начал даже притоптывать ногой в такт моим куплетам. Его сдержанная и невозмутимая до сих пор супруга улыбалась, поддавшись обаянию зажигательной девчонки.

Песня кончилась, я перевела дыхание, сделала знак своим музыкантам – и потекла совсем другая мелодия: причудливая, тонкая, ускользающая. С восточными переливами и руладами. И словно бы тут же наступила крошечная черная ночь в арабской пустыне. Готова поклясться, что зрители смогли ощутить аромат раскалившегося за день, а теперь остывающего песка, дыхание далекого моря и терпкий запах пряностей...

Я пела «Пустыню».

Теперь я была восточной грезой, пугливой и робкой, как горная серна, нежной, пряной и сладкой, как медовые угощения.

Я пела по-арабски, звучно протягивая гласные и звеня отточенным стаккато на согласных. Очарование Востока, неспешная история о караване, бредущем через пустыню. Протяжные крики погонщиков верблюдов, неумолимый жар

солнца и бескрайнее пронзительно-синее небо, при взгляде на которое начинает рябить в глазах...

Песня окончилась, и гости разразились овациями. Проняло, кажется, всех без исключения. Я видела, как какая-то местная леди приложила к глазам тончайший платочек, а советник, восхищенно тараща глаза, горячо зашептал что-то на ухо супруге. Даже Завьялов избавился, наконец, от своей снисходительной мины и покачал головой, словно приговаривая: снимаю перед вами шляпу!

Что ж, пока все шло прекрасно. Гости аплодировали и требовали:

– Еще, еще, пожалуйста! Бис!

Я могла бы спеть им по-русски – сыграть этакую тоскующую в имении дворянскую наследницу, спеть по-итальянски, став на миг вороватым мальчишкой-гондольером. Но мое сегодняшнее выступление предусматривало лишь три песни. И на последнюю у меня были свои планы.

Я подошла к сидевшему за пианино Седрику – одному из моих музыкантов – и коротко распорядилась насчет финальной песни. Он кивнул и заиграл вступление.

А я запела – на этот раз по-французски.

Песня называлась «Останься!» – не песня даже, а предельно откровенное любовное признание. Интимный альковный шепот, сумасшедшие бесстыдные слова, сказать которые возможно только тому, с кем тебя навсегда связала судьба, с кем нет ни приличий, ни игр, ни расчетов. Выверну-

тая наизнанку душа, грешные губы, нашептывающие отравляющие кровь признания...

За все время выступления я еще ни разу не взглянула на Радевича. Теперь же, едва произнеся первые слова куплета, я подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза.

Чересчур самонадеянно было бы считать, что бывалый военный, человек, видевший смерть и кровь так часто, что наверняка давно к этому привык, дрогнул бы под моим взглядом.

Но он его заметил, это уж точно.

Я пела – как будто для него одного. Нет, не пела, признавалась, молила, открывала сердце. Мой голос сочился горечью и мукой, звенел прорывающимися эмоциями, срывался, когда я словно бы не могла уже сохранить самообладание...

Этот номер, без сомнения, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Зрители поначалу замерли, затем осторожно принялись оглядываться, пытаюсь определить, перед кем же я так изливаю душу.

Консул Саенко, проследив направление моего взгляда, заинтересованно разглядывал Радевича. Завьялов вскинул седоватую бровь. Супруга посла залилась краской и обмахивалась платком. А Фарух Гюлар, весь извертевшийся на стуле, кажется, совсем извелся от ревности и всерьез пытался испепелить Радевича взглядом.

Сам же полковник, которого я так безжалостно использовала в своем маленьком представлении, сидел совершен-

но спокойно, неподвижно, продолжая бесстрастно слушать песню. Его глаза – темные, цепкие, внимательные – кажется, изучали меня, пытались смутить, заставить выйти из роли.

Но мне не впервой было выдерживать подобные поединки.

В самом финале, когда я стиснула руки у груди и принялась отчаянно умолять: «Останься! Останься со мной!» – хриплым от сдерживаемых слез голосом, он быстро сказал что-то сидевшему рядом краснолицему спутнику, поднялся на ноги и тихо вышел из зала.

Интересно, мне все же удалось его пронять? Смутить, заронить в душу сомнение?..

Что ж, как бы там ни было, он меня уж точно запомнил. А остальное скоро станет мне известно.

За ужином по правую руку от меня сидел Саенко, по левую – Фарух. Роскошно накрытый стол ломился от угощений, способных удовлетворить самый взыскательный вкус. Несколько видов мяса – баранина, говядина, курица (свинины, ясное дело, не было), разнообразные кебабы, к которым подавались различные соусы, множество видов средиземноморской рыбы – (сибас и есть окунь. – Прим. ред.) сибас, дорада, свежайшие моллюски...

Мне давно не доводилось видеть такого количества ароматной зелени, разнообразных овощей, как свежих, так и поджаренных на гриле. А когда с основной трапезой

было покончено и подали десерты, просто разбежались глаза. Здесь были медовые восточные сладости, разные виды пахлавы, рахат-лукум, приготовленный из таких сортов граната, который найти можно только в Турции, фрукты в сахарном сиропе, поданные со взбитыми сливками, и густые, прозрачные варенья из орехов.

Затем подали салеп – древнейший турецкий напиток, история которого насчитывала более пятисот лет. Это густое молочное варево, щедро приправленное корицей, обладает поистине чудодейственными свойствами и может за считанные минуты возродить к жизни даже самого больного и усталого человека.

Такого прекрасного салепа, как подали нам в этот вечер, я не пробовала еще никогда. Фарух Гюлар объяснил мне, что для изготовления его был приглашен лучший варщик салепа во всем Стамбуле.

– Поверить не могу, что вы знаете столько языков, – с превеликим восхищением вещал Виктор Григорьевич. – Как вам это удастся? Врожденные способности, а? Я, конечно же, говорю по-английски и по-турецки, положение обязывает. Ну, и в МГИМО все же в свое время не зря пять лет штаны протирал. Но вот немецкий, французский... зубришь, зубришь, а в голове все путается. Так и не выучил в совершенстве. Неудобно, приходится штат переводчиков за собой таскать.

– Язык – как музыка, – отозвалась я и стянула с протя-

нутаго услужливым официантом блюда пирожное. – Нужно прежде всего понять его тональность, звукоряд... Тогда станет намного легче.

– Вон оно что, тональность... – протянул Саенко.

Интересно, этот его образ простоватого председателя колхоза – искусная маска или реальность?

– Дорогая Айла, – меж тем затребовал моего внимания Гюлар. Убедившись, что я отлично говорю по-турецки, он почувствовал себя более раскованно и принялся извергать на меня фонтаны своего красноречия. – Вы просто обязаны принять мое приглашение и позволить мне организовать ваше небольшое выступление у меня в загородном доме!

– Спасибо, но не уверена, что получится, – отозвалась я. – Нужно обсудить это с моим менеджером. Весь гастрольный тур уже расписан.

– В таком случае, просто приезжайте погостить, – не отставал Фарух. – Знаете, мой дом стоит в бухте, где в былые времена фрахтовались пиратские корабли. Береговая линия каменистая, там есть множество подводных пещер. Поговаривают, что именно там пираты прятали свои сокровища, и далеко не все из них на сегодняшний день найдены. Мы с вами могли бы попробовать отыскать старинный клад.

– М-мм, звучит заманчиво, – улыбнулась я, разглядывая сидевшего на противоположном конце стола Радевича.

Тот переговаривался о чем-то со своим заместителем,

скупое отвечал на реплики посла и на меня не смотрел. Лишь один раз коротко взглянул – и тут же отвел глаза. Зато все остальные, собравшиеся за этим столом, не могли удержаться от того, чтобы изредка поглядывать то на меня, то на него. Что ж, мое маленькое представление имело успех. Оставалось лишь понять – у того ли, на кого было рассчитано?..

После ужина, когда все посольские гости, отяжелевшие от угощения и разморенные пряными османскими десертами, бродили по залу, вполголоса переговариваясь, я, сбегав от темпераментного Фаруха Гюлара, подошла к Радевичу. Тот стоял неподалеку от выхода, кажется, собираясь при первом удобном случае покинуть великосветское собрание. Радевич превосходно владел собой, и лишь в напряженных скулах можно было угадать признаки тщательно скрываемой отчаянной скуки.

– Нас с вами так и не представили друг другу, – произнесла я, подходя к нему.

Радевич поднял на меня взгляд и едва заметно поморщился.

Злится. Это замечательно. Любая эмоция лучше, чем равнодушие...

– Почему вы вышли во время моего выступления? – спросила я. – Вам так не понравилось?

– Зачем вы это сделали? – перебил он, не ответив на мой

вопрос.

Забавно, глаза его издали казались коньячно-карими, а вблизи вдруг обнаружилось, что карие они лишь по ободку радужки, а у самого зрачка – голубые.

– Сделала что? – Я широко распахнула глаза – воплощенная невинность.

– Вы отлично знаете – что, – коротко рыкнул он.

Что же, все ясно: на непосредственность такого анфанта террибля он не ведется.

Стоит попробовать шокирующую откровенность.

– Концерт – это всегда шоу, представление, небольшой скандал, – пожала плечами я. – Просто пение никто не запомнит – таких, как я, сотни.

– Вы что же, напрашиваетесь на комплимент? – уточнил он, продолжая изучать меня пристальным взглядом.

– Нет, просто говорю как есть, без прикрас, – легко улыбнулась я. – У меня отличный слух, неплохой голос и скромные актерские способности. Для того чтобы привлечь внимание, запомниться, выделиться из толпы, нужно нечто большее: зрителя следует смутить, ошарашить, выбить из колеи!

– И что, по-вашему, вы своим представлением смутили и ошарашили всех присутствовавших?

– Может быть, я хотела смутить и ошарашить именно вас. – Склонив голову к плечу, я посмотрела прямо ему в глаза.

Пусть осознает, что не только он один здесь обладает про-

низывающим взглядом. Я тоже могу делать вид, что в мои зрачки внедрен портативный детектор лжи...

– Не знаю, зачем вам это понадобилось, – скупо отозвался он. – Но, так или иначе, теперь все в этой комнате убеждены, что в прошлом у нас был роман.

– И все вам завидуют.

– Вы очень самонадеянны.

– Нет, просто констатирую факт.

– Завидовать совершенно нечему – потому что это неправда.

– Но ведь могло бы быть правдой, – тонко улыбнулась я. – Или могло бы стать правдой.

– Не знаю, что за игру вы затеяли, Айла – или как вас зовут по-настоящему? – отрезал Олег. – Но у меня нет на это ни времени, ни желания. До свидания!

Он демонстративно шагнул в сторону.

– Что, даже не предложите подвезти меня до отеля? – окликнула я. – Я остановилась в «Цева Хире»...

– Прошу прощения, вам наверняка обеспечат транспорт здесь, в посольстве. Еще раз до свидания.

Я видела, как Радевич коротко простился с посланцем, сказал что-то его жене, кивнул гостям и вышел из помещения салона.

Следом за ним двинулось двое маячивших где-то по углам незаметных молодых людей – это были охранники.

Я выскользнула следом и, перегнувшись через балюстра-

ду, окликнула Радевича, успевшего уже преодолеть мраморную лестницу до середины:

– Олег!

Он снова поморщился. Моя фамильярность явно выводила его из себя, но, разумеется, публично потребовать от женщины, известной певицы, называть его по имени-отчеству он не мог, не рискуя показаться смешным.

– Олег, вам и в самом деле не понравилось, как я пела?

Я лукаво посмотрела на него. Вот сейчас и посмотрим, так ли он кристально честен, как сказал Завьялов. Или...

Радевич помедлил, посмотрел куда-то себе под ноги и вдруг глуховато сказал:

– Нет, пели вы замечательно. До свидания.

– Вы уже в третий раз за вечер со мной прощаетесь, – усмехнулась я и махнула ему рукой.

Радевич развернулся, быстро сбежал вниз по ступеням – широкая, по-военному выправленная спина, скупые точные движения. Даже его охранники, по-кошачьи быстрые и гибкие, не производили впечатления такой ловкости, собранности и ежесекундной готовности к броску.

«Пели вы замечательно...»

Что же, игра становилась все интересней.

Мешковатые, широченные, отвисшие на заднице штаны, бесформенная темная футболка, кепка с огромным козырьком, скрывавшая волосы и отбрасывавшая тень на лицо.

Я быстро оценила свой облик в зеркале, повела плечами, словно вместе с костюмом натягивала на себя роль, которую мне предстояло исполнять в ближайший час – исполнять куда тщательнее и достовернее, чем на сцене. Затем прошлась перед зеркалом туда-сюда, как бы примеряя на себя легкую сутулость, разболтанную мальчишескую походку – загребание ногами, обутыми в белые разношенные кроссовки. Шмыгнула носом, утерлась тыльной стороной ладони.

Пойдет!

Незаметно проскользнуть по пустынному в ночной час отельному коридору, вжаться в нишу, заслышав голоса подгулявших туристов, шмыгнуть на лестницу для персонала. Вниз, на парковку – многоэтажный бетонный куб, уставленный дорогами автомобилями. Оттуда – в неприметную выкрашенную синим дверь, затем затхлыми вонючими коридорами – на поверхность, в пустынный переулок.

Здесь, пристегнутый цепью к фонарному столбу, меня ждал мотоцикл. Я разомкнула замок нашедшимся в заднем кармане гигантских джинсов ключом, оседлала мотоцикл и быстро рванула по ночной улице по адресу, который до этого успела отследить по карте навигатора.

О, вечерний Стамбул, счастье мое, как я люблю тебя!

Разноголосая какофония звуков с набережной – скрипка, мандолина, чьи-то голоса...

Я ехала от Кадеке в сторону моста через Босфор, проносясь мимо рыбных ресторанов, пиццерий, заведений турец-

кой кухни.

Вечерний Стамбул...

Свобода, разлитая в самом воздухе, веселые люди, выбравшиеся прогуляться в центре. Кто-то из них сегодня напьется, будет глупо горланить на улице, а потом уснет у кого-нибудь на плече...

Я ехала, намеренно путая следы, петляя из стороны в сторону. Миновав азиатскую набережную, переехала старый босфорский мост и попала в район Тексим – клоаку, где собирались жрицы любви и прекрасные жонглеры чувствами людей – картежники, каталы всех мастей.

За Тексимом потянулись полуразрушенные районы Стамбула, со дня на день ожидавшие сноса. Но пока этого не произошло и обещанные новые здания не были выстроены, здесь находили свой приют цыгане.

Я все дальше углублялась в старый Стамбул, где здания были словно прилеплены друг к другу. Бедняцкие кварталы, соседствовавшие с памятниками османской старины. Эти районы, как всегда, хуже освещены, однако каждая мечеть здесь была подсвечена по-своему.

Наконец я оказалась в районе Аксарая.

Заведение, которое мне было нужно, находилось на самой окраине. Типовые дома, белье на балконах, заплесанный асфальт. Из-под колес метнулись две тощие шелудивые кошки.

Я свернула за угол, притормозила у низкой двери, спрыг-

нула на землю, быстро пристегнула мотоцикл к тумбе и вошла внутрь.

В помещении было полутемно.

В первой комнате находилось какое-то подобие барной стойки, за которой сновал пиратского вида бармен. У стойки сидели несколько мужчин, обернувшихся на скрип двери и скользнувших по разболтанному подростку, каким сегодня ночью являлась я, равнодушными взглядами.

– Эй, парень, сюда школьникам нельзя, иди домой, к мамочке, – крикнул мне какой-то подгулявший посетитель этого заведения.

– Отстань от него, Самет, пускай заходит, – махнул рукой бармен.

– Спасибо, – по-турецки отозвалась я, придав голосу подростковую сиплость.

Быстро оглядевшись по сторонам, я проскользнула во вторую комнату. Здесь было еще темнее. Освещали зал лишь тускло тлеющие угольки в многочисленных кальянах. По всему помещению плавал влажными клубами густой сладковатый дым. Вдоль стен расположены были многочисленные ниши, словно крохотные отдельные комнатки. Полы завалены подушками, коврами, циновками. Там же расставлены кальяны...

Впрочем, рассмотреть все это было довольно сложно. Лиц расположившихся на подушках в нишах людей уж точно видно не было.

«До конца комнаты, – повторяла я про себя, пробираясь вперед в этом дыму, – поворот налево, вторая ниша».

В темноте кто-то поймал меня за локоть, стиснул горячей лапищей. Я вывернулась, отшатнулась в сторону и, наконец поравнявшись с нужной мне нишей, поспешно нырнула в нее.

Володя, сидевший на циновке, в самой глубине, протянул мне трубку кальяна.

– Гашиш? – спросила я.

– Просто фруктовый табак, – отозвался он.

– Я шучу, – терпеливо пояснила я.

Странно, что Володя счел нужным уточнить. Володя и гашиш – вещи несовместимые.

Разглядеть его лицо сейчас было почти невозможно. В тусклом красноватом освещении видно лишь, как поблескивают светлые глаза. Но мне-то за многие годы известна была каждая черточка.

Лицо у Володи было самое простое, неприметное – с таким лицом можно напрочь затеряться в толпе, ехать в московском метро в час пик рядом со старым приятелем – и остаться незамеченным. Ровный овал, небольшой подбородок, некрупный нос, светлые глаза, русые волосы, средний рост – идеальный шпион. Конечно, я бы узнала его всегда, по малейшему движению плеч, по короткому сухому смешку, каким-то внутренним чутьем, разглядела бы даже в темноте. – Как все прошло? – спросил он. – Успешно?

– С какой стороны смотреть, – дернула плечами я, приняла у Володи кальян и глотнула сладковатого дыма. – Знакомство состоялось.

– А дальше?

– «Великосветская шлюха» не прокатила, – усмехнулась я. – В следующий раз попробую «леди в беде».

– Он может быть опасен, крайне опасен, – ровно сказал Володя.

Как будто бы я этого не знала! Мне, уже не первый год имевшей дело с восточным направлением, фамилия Радевича была хорошо знакома. Правда, встретиться лично мне с ним довелось только сегодняшним вечером.

– Ты... будь осторожна, хорошо?

– Боже, да он, наверное, сам Доктор Зло, раз ты это мне говоришь, – хмыкнула я. – Репутация у него незапятнанная. Говорят – кристально честен, прямолинеен, строг до жестокости, предан своему делу.

– Так про всех говорят, – заметил Володя.

– Конечно.

– Ладно, все понял, – отозвался он. – Действуй по плану. Связь как обычно. Увидимся!

Он попытался встать, но я резко дернула его за рукав.

– Володя, мне хотелось бы все же больше деталей. Что конкретно мы ищем, и что потребуется от меня?

– Пока четкой информации нет, – ответил он, тут же переходя на официальный тон. – В ближайшее время с тобой

свяжутся и уточнят задание. Пока просто работай на сближение. Если потребуется помощь...

– Связь как обычно. Я поняла.

Он коротко и быстро сжал мою руку – единственная демонстрация эмоций, которую он себе позволял.

Затем поднялся на ноги, выскользнул из ниши и растворился в окутанной дымом темноте.

«Самое абсурдное заключается в том, – думала я, сидя на балконе своего номера в отеле в самом центре Стамбула душной южной ночью. – Самое абсурдное заключается в том, что все начиналось очень просто».

Счастливое детство в Советской стране. Нижний Новгород. Старинный русский город – красивый, неспешный, солнечный летом и снежный зимой.

Любопытно, что в юности, когда мы оглядываемся на него в воспоминаниях, как будто всегда стояла хорошая погода. Летняя жара, горячие солнечные пятна на каменных плитах, стрелка – там, где Ока сливается с Волгой – вся светится под лучами. А на той стороне густо отливают золотом купола собора Александра Невского...

Или зима – как с рождественской открытки! Острые зеленые пирамиды кремлевских крыш в снегу. Мрачноватое здание из темно-красного кирпича, знаменитая ночлежка из Горьковского «На дне» – тоже густо припорошено снегом. На Свердловке продают с лотков горячие пирожки. Схва-

тишь такой и быстро жуешь – пальцы сводит от контраста колючего морозного воздуха и обжигающего жара начинки...

Или осень метет желтые листья по улице вниз, к набережной. И каменный Чкалов печально провожает их глазами. Вниз, вниз, мимо здания, где когда-то, до революции, находилась городская гимназия. И мимо соседнего – в котором, по слухам, тогда же размещался публичный дом. Милые городские легенды.

Я хочу туда, к сбегаящим вниз, к воде, расходящимся и встречающимся плавным лестничным пролетам, к бетонным ступеням, туда, где лениво катит усталые волны задумчивая осенняя Волга...

Мой отец работал на автозаводе, мастером. Впрочем, на автозаводе работал почти весь город. Огромный, могучий, занимающий такую обширную территорию, что от цеха к цеху ездить нужно было на автобусе, огороженный глухим темным забором – он был сердцем города, его никогда не прекращающим работу мотором.

Отец мой был одним из сотен горожан, топающих по утрам к одной из многочисленных заводских проходных. На все праздники в подарок мне от него доставались сувенирные машинки – крохотные «Волги», «Чайки» и грузовички. Искусно сделанные, с проработанными мельчайшими деталями: дворниками, зеркальцами, открывающимися дверцами и капотом, а вовсе не то аляповатое уродство,

что пылилось в обыкновенный детских магазинах. За годы детства у меня скопился их целый игрушечный гараж.

Однажды – мне тогда было двенадцать – случилось так, что я разом подарила все эти машинки соседскому пацану Вовке. У него, единственного из нашего двора, отец не работал на ГАЗе. Все потому, что отца у него вовсе не было. Вовкина мать, крикливая тетка с густо покрашенными сиреневым веками, служила кассиршей на вокзале. Приходила домой она поздно. Семилетний Вовка, вечно неприкаянный, таскался по двору с ключом на шее – тощий, сероглазый, похожий на встрепанного замерзшего воробья.

Как-то раз, когда была какая-то особо снежная, морозная зима, я окликнула его во дворе:

– Эй, пацан, поди-ка сюда!

Он подбежал.

Помню, мне ужасно жалко его стало – из рукавов уже маловатого ему куцега пальто торчали покрасневшие от холода запястья.

– Ты чего домой не идешь? У тебя же ключ, вон! Мамка-то не скоро еще придет...

Он по-птичьи дернул плечами и зыркнул глазами куда-то в сторону.

Уже потом Вовка рассказал мне, что страшно боялся оставаться дома один: ему все казалось, что по углам что-то скрипит, шуршит, и вот-вот из-под кровати выскочит какой-нибудь монстр и набросится на него. Тогда я этих его страхов

еще не знала, но почему-то сообразила, что мальчишка толком ничего мне не скажет, но и к себе, в тепло, не вернется.

— А хочешь, пошли ко мне, я тебя супом накормлю? — предложила я.

— А можно? — с радостным недоверием спросил он.

Ну, еще бы!

Я ведь была уже взрослой девицей двенадцати лет, с чего бы мне проводить время с каким-то шкетом-первоклассником...

Вовка в тот день съел у меня не только суп, но и половину котлет из металлического судка, полбатона хлеба и треть банки малинового варенья. А потом, пока я со скрипом решала задачки по физике, уселся рядом на полу и разыгрывал с моими коллекционными машинками какие-то опасные столкновения и аварии.

В восемь вечера явилась Вовкина мать, ухватила его за ухо и заголосила:

— Ты что же это, зараза такая, хоть бы записку оставил! Мне делать, что ли, больше нечего — ночь-полночь по всему району тебе искать? Хорошо, Михална сказала, что вроде видела, как ты с Алинкой пошел.

Вовка изо всех сил тянулся на носочках вверх, чтобы не так больно было уху, но стойко молчал и лишь наливался красными пятнами. Я понимала, что ему было до тошноты стыдно — еще минуту назад он, как взрослый, болтал со старшей девчонкой, а теперь мать при ней же таскает его за ухо,

как щенка. Тогда я благородно предложила:

– Слышь, хочешь, возьми машинки. Давай, давай! Вон ту «Чайку» не забудь!

Таким вот образом весь мой фонд подаренных отцом мини-автомобилей однажды перекочевал к Вовке.

Я боялась, что папа, обнаружив пропажу, будет в ярости, но он ничего так и не заметил. Что вообще-то было не странно. Эти машинки были чуть ли не единственными знаками внимания, которые когда-либо оказывал мне мой родитель. Днем он пропадал на заводе, после работы же подолгу задерживался во дворе, на скамейке под старой липой – забить с мужиками козла и потрепаться за жизнь. В девяностые, когда стали появляться первые спорт-бары, их компания переместилась туда – пиво и футбол, две составляющие заслуженного отдыха рабочего человека.

Я не помнила в детстве каких-то особенных ссор или скандалов между отцом и матерью. Они просто были двумя планетами, движущимися по никогда не пересекающимся орбитам, двумя совершенно разными, противоположными мирами. Отец, посмеиваясь, говорил про мать: «Наша интеллигенция», а та всегда мучительно краснела за его простоватые манеры и глупые шутки перед общими знакомыми.

Как, почему, каким невозможным образом они некогда сошлись – мне было неизвестно. Вероятно, отец уже тогда неплохо зарабатывал, может быть, был бойким, настойчи-

вым, а мать, по советским понятиям, больше всего на свете боялась остаться одинокой, незамужней, бездетной. А может, и у них по молодости была какая-то головокружительная и невероятная история любви, сметающей все преграды, стирающей социальные и личностные противоречия?..

Как бы там ни было, к моему осознанному возрасту они уже едва разговаривали друг с другом, сохраняя только видимость семьи, на деле же каждый жил своими интересами.

Мать — высокая, немного нескладная, вечно в каких-то темных трикотажных бесформенных платьях, призванных смягчить ее угловатую фигуру, с длинными сильными пальцами, всегда коротко остриженными ногтями, была учительницей музыки. Мне, маленькой, удивительно было, как она преображалась всегда за инструментом. В обычной жизни резкая, нервная, слегка дерганная, садясь к роялю, она вдруг приобретала мягкость, плавность в жестах. Веки ее опускались, лицо становилось одухотворенным, красивым, исполненным какого-то внутреннего света. А такие знакомые мне пальцы, заплетавшие мне косы по утрам, совавшие в руки тарелку с кашей, смазывавшие зеленкой ссадины и царапины, вдруг оказывались волшебными, умеющими извлекать из простых белых пластиковых клавиш удивительные звуки...

Тогда, в детстве, музыка была для меня магией, способной превратить маму в прекрасную принцессу, а мир вокруг меня — в удивительное сказочное царство красоты и гармонии!

И я мечтала приобщиться к этому чуду, научиться, овладеть этим волшебством, как мама. Я грезила уроками музыки, еще не представляя себе, на что подписываюсь...

Когда-то в юности мать мечтала об академической карьере, но та отчего-то не сложилась. Вряд ли ей не хватило упорства, усидчивости – мне казалось, она способна была даже летать научиться, если ей так уж сильно приспичит овладеть этим навыком. Скорее всего, она просто оказалась рядовой пианисткой – достаточно техничной, подготовленной, но, увы – не гениальной. Такое случается сплошь и рядом. Звездами становятся единицы, а сотни и тысячи посредственностей, убивших на достижение недостижимого детство и юность, затем чахнут от скуки и нереализованных амбиций по районным музшколам и училищам.

Моя же мать, окончательно отчаявшись добиться чего-то, все свое нерастраченное тщеславие выплеснула на меня. О том, что у меня невероятные музыкальные способности, я слышала едва ли не с младенчества. Мать потрясенно рассказывала всем знакомым – снова и снова, с течением времени украшая историю все более волнующими подробностями – как не могла петь мне, новорожденной, колыбельные, ибо я тут же широко открывала глаза и принималась подвывать, идеально попадая в ноты. С четырех лет меня таскали по преподавателям и прослушиваниям. Вердикт всегда бывал один: да, способности очень неплохие, но ребенок еще слишком мал, это ведь не балет, не большой спорт, дайте де-

вочке подрасти.

Однако не такова была моя мать, чтобы медлить!

В итоге ей удалось все же впихнуть меня в музыкальную школу с пяти лет как выдающегося, одаренного ребенка.

Так стартовал мой многолетний кошмар. Долгие часы, проведенные за роялем в любую погоду – дождь ли на дворе, солнце ли...

– Мама, можно мне с девочками погулять?

– А ты уже позанималась? Как «нет»?! Отчетный концерт через две недели! Пока не сыграешь Баха пятнадцать раз...

К восьми годам я твердо была уверена, что музыка – это проклятие рода человеческого. Единственным, что спасало мою жизнь от крошечного беспросветного кошмара, были занятия по хору. Наша преподавательница была наполовину испанка: отец ее был из детей, вывезенных когда-то из Испании во спасение от фашистского режима Франко. Эта женщина буквально завораживала меня: подвижная живая брюнетка с ярким ртом и смуглой кожей, она стремительно входила в кабинет, взмахивала руками – и я вдруг чувствовала, как откуда-то из глубины меня рвется, выплескивается ритм. Из груди, из живота, из самого нутра...

– Дыши животом, а не диафрагмой, – учила она. – Пошлай звук в самую макушку, пусть он звенит вот здесь, – и прикасалась костяшками пальцев к моему темечку.

Я начинала петь – и звук действительно словно бы сам шел к ее руке, как примагниченный!

В общем, на занятиях по хору я чувствовала себя на своем месте. В отличие от уроков по специальности, на которых мать неизменно смотрела на меня разочарованно, словно я поманила ее надеждой – и обманула, оказавшись бесталанной рядовой ученицей, а не маленьким гением. Здесь у меня все получалось, здесь я была не гадким утенком, которого тянут в лебеди изо всех сил, а он, неблагодарный, только шипит и клюется, а неким магическим существом, у которого все получается само – легко, играючи, радостно.

Я всей душой тянулась к «испанке», мне хотелось быть такой же веселой, яркой, живой, как она, так же встряхивать блестящими волосами, так же взмахивать руками, как крыльями, и вытворять голосом удивительные вещи.

Петь, петь так, будто отдаешь музыке всю свою душу!

Помню тот день, когда несравненная испанка сама отвела мою мать в сторону и принялась ласково убеждать ее:

– Женечка, милая моя, ну сама подумай, зачем ребенку эти мучения? Ты все равно не вырастишь из нее Рихтера. А голос у нее выдающийся! Очень низкий для женщины, глубокий, сильный. Вероятнее всего, это будет контральто. Такая редкость! Если им всерьез заниматься... Вокальное отделение консерватории у нее в кармане!

Мать, разумеется, долго не могла согласиться с тем, что из меня никогда не выйдет великой пианистки, лауреатки, победительницы всех конкурсов на свете. Вся эта вокальная история казалась ей чем-то несерьезным, очередной мо-

ей попыткой из-за лени и невежества отделаться от доставшей учебы.

Но в конце концов и она вынуждена была смириться.

Вероятно, рассуждения ее были следующими: все же вокал – это тоже музыка, классика, консерватория, опера... ей еще не известно было, что в свои семнадцать я сделаю финт ушами и поступлю на кафедру эстрадно-джазового пения!

Впрочем, до этого было еще далеко.

В десять лет я выиграла первый свой областной конкурс детской песни. И тут же оказалось, что я по натуре невероятно тщеславна. Желание общественного признания, до той поры дремавшее где-то глубоко внутри, пробудилось под аплодисменты зрительного зала и нахально задрало голову. С тех пор я только об одном и мечтала: о последней минуте нечеловеческого страха и напряжения перед выходом на публику, о шагах по сцене к микрофону, о многоглазой живой жаждущей массе, дышащей в темноте зрительного зала. О том, как я делаю глубокий вдох – и начинаю петь! И как потом раскланиваюсь в реве оваций...

Ради своей мечты я готова была на все: многочасовые распевки, репетиции, упражнения на дыхание. Черт, я даже мороженое никогда не ела – чтобы случайно не застудить связки. Я воображала себя то Лайзой Минелли, то Барброй Стрейзанд, то Эллой Фицджеральд. Я пела все время – дома, в школе, даже на улице гудела что-то себе под нос. Сколько

раз случалось, что, забывшись одна в квартире, я начинала голосить в полную силу, мысленно видя себя уже на Бродвейских подмостках. А потом слышала вдруг из открытого окна аплодисменты и, высунувшись, обнаруживала, что возле дома собралась толпа соседей. И Вовка из шестой квартиры, тот самый, которому достались однажды мои машинки, кружа на своем велосипеде по двору, неизменно орал мне: – Молодец, Савельева! Звезда!

В шестнадцать меня пригласили солисткой в молодежный ансамбль студентов музыкального училища. Этаким маленький джаз-банд под названием «Рэгтайм»: саксофон, клавиши, контрабас, ударные – и я.

Мы выступали в зале музучилища, иногда – на каких-нибудь городских мероприятиях. Порой нас приглашали на свадьбы и юбилеи – там можно было даже заработать немного. Хотя никого из нас такие низкие материи тогда, конечно, не волновали. Мы все были юные, амбициозные, мнящие себя невероятно талантливыми и мечтающими о большой карьере.

Мы и в самом деле неплохо работали, играли как классический джаз, так и современные композиции. Много репетировали, работали и...

И все это было неважно.

Потому что именно тогда я познакомилась с Санькой.

В «Рэгтайме» он сидел на ударных, был старше меня

на два года, уже окончил училище и в этом году поступил на первый курс местной консерватории.

Его все любили.

Обычно таким утверждениям трудно поверить, но в случае с Санькой это действительно было так. У него была удивительная улыбка – широкая, бесхитростная, яркая, словно освещавшая внутренним светом все его лицо. Вкупе с пшеничными вихрами и голубыми глазами это сочетание создавало облик просто ангельский. Вахтерши в училище, грозные старухи, вечно матерившие студентов и в самый неподходящий момент запиравшие на ключ гардероб, при виде его расплывались и именovali Санька не иначе как Солнышком.

Он и по характеру был такой – легкий, светлый, незлопамятный, всегда уверенный в наилучшем исходе ситуации. Он появлялся – и как будто приносил с собой праздничное настроение, чудесную легкость бытия...

Я влюбилась отчаянно, со всей пылкостью, неловкостью и жаром шестнадцати лет.

Учитывая, что до той поры для меня межполовые отношения не существовали, вытесняемые мечтами о творчестве и народном признании, силу захвативших меня чувств можно было приравнять к небольшому, но смертоносному цунами.

Я не могла есть, не могла спать.

На репетициях при виде Саньки, открыто улыбавшегося мне из-за своей установки, меня прямо-таки скручивало,

и из груди рвалось что-то вымученное, выплаканное, большое...

Помню, как руководитель нашего ансамбля, которого мы между собой звали Метроном, попросил меня задержаться после репетиции и строго сказал, разглядывая меня маленькими острыми глазками сквозь толстые стекла очков:

– Деточка, все эти, так сказать, любовные переживания, это прекрасно – в вашем возрасте. Но вокал – это искусство, мастерство, тяжелый труд, тщательно выверенные интонации. Ты же, извини, голубушка, голосишь, как драная кошка по весне. Так не пойдет!

Пришлось спешно брать себя в руки.

Я решила страдать молча и гордо, чтобы никто, кроме дошного Метронома, не догадался, что у меня на душе. И почти уже было научилась проходить мимо Саньки с безразличным скучающим видом, но вдруг тот однажды поймал меня за руку из-за своей установки и, улыбаясь этой своей невероятной подкупающей улыбкой, спросил:

– Слушай, Савельева, ты так и будешь надо мной издеваться или все-таки согласишься сходить со мной в кафе после репы?

Издеваться...

Вот так.

Потом мы сидели в подвальчике, в центре, пили кофе: я, этакая целеустремленная натура, решительно отказа-

лась и от молочного коктейля, и от мороженого, и от лимонада со льдом. Хотя, на самом деле, рядом с Санькой готова была питаться всем, чем он только мне предложит, хотьдохлыми крысами. Он что-то шутил, изображал Метронома, потом директора нашего училища Богатко. Я хохотала. А потом он вдруг наклонился ко мне, посмотрел пристально, без улыбки, и сказал:

– Слушай, Савельева, никак не могу понять, какого цвета у тебя глаза. То кажется, что серые, то голубые. А вот сейчас, когда ты смеешься, они совершенно зеленые. Как ты это проделываешь, а? Ну-ка, повернись к свету.

Он взял мое лицо в ладони и осторожно развернул, внимательно вглядываясь в глаза.

От прикосновения шершавых заглубевших подушечек его пальцев у меня по спине побежали мурашки, дышать стало больно, и в груди забилось тяжело и гулко.

– Удивительно, – шепотом произнес Санька. – А вот сейчас они как будто фиалковые.

И поцеловал меня.

...Потом мы шли с ним под одним зонтом мимо красной кремлевской стены вниз, к Волге.

В воздухе висела размытая морось. Весенняя листва, только недавно распутившаяся, одуряюще пахла свежестью и новой пробуждающейся жизнью.

Справа от нас тянулись старинные здания – розовое с колоннами, зеленое – с круглой полубашенкой в центре фаса-

да. Во влажном сумеречном воздухе очертания их казались нечеткими, размытыми, как на картинах импрессионистов.

Впереди маячил памятник Чкалову, сурово глядящий на нас, жмущихся друг к другу и беззаботно хохочущих.

– Алина, – шептал мне Санька. – У тебя имя – как этот дождь... Как будто капли скачут по подоконнику. Вот послушай: А – ли – на.

И меня так переполняло какое-то восторженное, сверкающее ощущение счастья, что отчаянно хотелось вспрыгнуть на перила спускающейся к Волге каменной лестницы и запеть что-нибудь вроде: «May be this time»!

Когда зима окончательно отступала и с Волги сходил лед, открывался сезон навигации.

По реке начинал курсировать быстрый белый пароходик, возивший людей в зону отдыха, оборудованную в отходившем от Волги затоне. На самом деле ничего особенного оборудовано там не было – полудикий песчаный пляж, шаткие навесы от солнца да захудалый киоск с прохладительными напитками, чипсами и пивом. Чуть поодаль от берега начинался кустарник, переходивший в лесополосу.

Можно было расположиться на самом пляже, у воды. Или отойти подальше, в прохладную зеленую зону, укрыться от посторонних взглядов где-нибудь среди зелени и спускаться к воде лишь изредка, чтобы охладиться...

С Санькой мы договорились встретиться на пристани.

Я выскочила из дома в ярком цветастом сарафане, с тряпичной сумкой через плечо. В сумке лежали полотенце и ноты.

На ступеньках подъезда, понурившись, сидел Вовка, бросая в затоптанную землю перочинный ножик. Вовке тем летом исполнилось одиннадцать – он сильно вытянулся, раздался в плечах и гораздо меньше теперь смахивал на взъерошенного воробья.

«Интересно, сохранились ли у него мои машинки?» – мельком подумала я, пробегая мимо и на бегу потрепав мальчишку по затылку. Он внезапно резко вывернулся и молча ухватил меня за подол сарафана.

– Эй, ты чего? – опешила я. – Пусти, слышишь?

– Ты на затон собралась? – процедил он, обиженно глядя на меня.

– На затон, – кивнула я. – Пусти, пароходик в одиннадцать уходит. А мне на автобус еще.

– Со своим этим белобрысым? – не отставал Вовка.

– А тебе-то что? Ну, с ним. Отцепись, а?

Я попыталась выдернуть край юбки из его тонких, но на удивление цепких мальчишечьих пальцев.

– Не ездь! – вдруг как-то жалобно попросил он.

– Почему это?

– Просто не ездь – и все. Там... там вода еще не прогрелась, пацаны говорили. Холодная! Простудишься, горло заболит – как петь будешь?

Я засмеялась:

– Хорошо, мамочка, я долго плавать не буду.

Наклонившись, я поцеловала Вовку в пахнущую солнцем колючую макушку, ловко выдернула край сарафана из его пальцев и побежала через двор.

Тот день навсегда остался у меня в памяти средоточием золота и тепла, солнца и света, изумрудного мерцания листы и бриллиантовых водных брызг. Это был апогей, зенит, акме – та высшая точка счастья, после которой начинается спад, в моем случае оказавшийся не плавным спуском, а стремительным обрушением в бездну...

Иногда, оглядываясь назад, я думала над тем, почему так часто возвращаюсь памятью к этому дню. Сложись моя жизнь по-другому, размышляла я, возможно, какие-то другие более поздние воспоминания вытеснили бы его, заставили поблекнуть...

И все же понимала: нет, этого никогда бы не произошло, как бы ни повернулась моя судьба.

Потому что тогда все это для меня было впервые – чистое чувство, не замутненное никакими сомнениями, рациональными расчетами и рассуждениями. Я отдавалась эмоциям без остатка, я кипела и пылала, я отчаянно хотела счастья и готова была нырнуть в него с головой, как в прозрачную речную воду!

До того я всегда мечтала лишь о том, как посвящу свою жизнь искусству, стану неким сосудом, несущим в себе откровение, которое я затем выплесну на готовых внимать мне зрителей.

А в тот летний день во мне впервые проснулась моя женская сущность, родилась новая я.

И мечты о творчестве, об искусстве поблекли. Мне отчаянно хотелось тогда просто любить и быть счастливой. И никогда более я не чувствовала себя настолько живой, как в тот золотой день. Вероятно, потому, что по-настоящему мы живы, лишь когда любим.

«Эй, любовь, я согласен, приходи... Убивай меня каждый день на своей груди. А потом каждый день одним своим поцелуем возрождай меня к жизни. Не скупись на нежность и близость. Освети меня своим солнцем, спрячь меня в свете месяца...»

...Мы с Саньком встретились на пристани, купили пару бутылок минералки, взяли в кассе билеты на пароходик.

Стояла сухая звенящая жара, но в носовой части кораблика было даже прохладно. Плечи обдувал ветер, в лицо летели мелкие брызги речной воды...

Из динамиков распевал Майкл Джексон.

Обниматься было бы слишком жарко. Да и неловко – столько народу на палубе. Поэтому мы просто стояли у бортика, соприкасаясь плечами, и смотрели на проплывающий мимо подернутый зеленой листвой берег. От бьющего в лицо

свежего ветра перехватывало дыхание, и изнутри поднималось восхитительное чувство полнейшего, абсолютного восторга и счастья.

Сойдя с парходика, расположились мы, конечно, не у самой воды, а подальше, в лесополосе.

Здесь было тихо.

Сквозь сплетавшиеся вокруг ветки доносились отдаленные звуки с берега – плеск воды, чьи-то развеселые голоса, шлепки надувного мяча о песок. Мы же словно оказались в прозрачно-солнечной изумрудной пещере, не видимые ни для кого, скрывшиеся от внешнего мира...

Сначала, правда, мы все же сходили искупаться – дурачились, как дети! Санька, присев на корточки, подставлял мне загорелые скользкие мокрые плечи, я же взбиралась на них ногами и, оттолкнувшись, с визгом прыгала вниз, вздымая завесу брызг.

Потом мы выбрались из воды – она и в самом деле была еще прохладная, не прогрелась, Вовка не соврал. Вернулись к своему укрытию и растянулись на полотенце. Было жарко и как-то странно, смутно. Сердце тяжело стучало в висках. Санька, которого тоже, кажется, внезапно охватила неловкость, покрутился на полотенце и вдруг сказал:

– О, смотри! – Он перегнулся через меня и вырвал из земли какой-то маленький, серо-зеленого цвета кустик. – Знаешь, что это? Дикая мята. Понюхай, как пахнет.

Я, приподняв голову, ткнула носом в лепестки, зажа-

тые в его пальцах. Пахло и в самом деле одуряющей мятной прохладой. Санька как-то ловко растер лепестки между пальцами и затолкал их в горлышко одной из наших бутылок с минералкой. У воды появился горько-травянистый привкус. Я отпила несколько глотков и улыбнулась:

– Вкусно!

И мы снова валялись на полотенце, болтая обо всем на свете.

– Конечно, в нашей «консерве» ловить совершенно нечего, – рассуждал Санька. – Провинция! Нужно в Москву ехать, там пытаться поступить.

– Но ты же здесь уже первый курс окончил, – возразила я.

– Ну и что? – Он пожал плечами. – Тем проще будет. И потом... Без тебя я все равно не поеду, а тебе школу еще окончить нужно. Вот через год вместе и поедem. Как тебе?

– Здорово, – пробормотала я.

Мне вдруг представилась вся эта наша будущая невероятная счастливая жизнь.

Москва, консерватория, новые люди, новые преподаватели, новые открытия, впечатления, возможности...

И я пою! И мы вместе.

У меня даже голова закружилась от вспыхивавших в голове картин. Впрочем, возможно, меня просто разморило от жары и от мяты, которую Санька добавил в воду. Веки стали тяжелыми и горячими, а все тело – каким-то уютно неповоротливым, вязким, ленивым. Я зевнула раз, другой. По-

терла ладонями глаза. Начала что-то рассказывать – и вдруг на полупhrase уснула: почти что Алиса в стране чудес, девчонка, задремавшая в жаркий летний день...

Наверное, во сне я подкатилась к Саньке. По крайней мере, когда я проснулась, обнаружилось, что я буквально обвиваюсь вокруг него руками и ногами и утыкаюсь носом куда-то в шею. Он же лежал тихо-тихо, не шевелясь, и лишь рвано дышал сквозь зубы. На скулах его алели лихорадочные багровые пятна. Наверное, у меня тоже изменился ритм дыхания, потому что он скосил на меня глаза и спросил хрипло:

– Проснулась?

– Ага, – прошептала я.

И вместо того, чтобы откатиться, только покрепче прижалась к нему и ткнулась запекшимися губами куда-то под ухо.

Почему-то в этом жарком полусне не было никакой неловкости, смущения, страха. Мне просто хотелось быть ближе к нему, хотелось ему принадлежать – и я этого ничуть не боялась.

Санька стиснул меня руками, повернулся и поцеловал. Губы у него были еще горячее, чем мои. Мы задвигались, перевернулись, я почувствовала под лопатками лесную землю, чуть колючую даже сквозь полотенце. От Саньки пахло речной водой, мятой, солнцем, загорелой кожей, здоровым молодым телом. Мне было так хорошо с ним, так легко, спокойно...

Так счастливо!

Никогда больше в моей долгой, причудливо складывавшейся жизни я не испытывала такого ощущения полнейшего единения, правильности происходящего. Порой мне даже начинало казаться, что я – настоящая я – навсегда осталась в том золотом дне, вместе с золотоголовым Санькой, Солнышком моим, единственным человеком, которого я любила так легко, так ровно и безоглядно, как дышала.

В июле Саньке исполнилось восемнадцать, и его отец – так же как и мой, и еще процентов восемьдесят отцов моих сверстников, работавший на автозаводе, – отдал ему свою старенькую «Волгу», когда-то именно на этом автозаводе и полученную за выслугу лет. Санька отходил в автошколу и через два месяца получил права. Теперь, в перерывах между учебой и репетициями, мы не просто слонялись по городу в поисках тихого места, где можно было бы спрятаться от всех и целоваться, мы разъезжали с ним на собственном автомобиле, гордые, как внезапно разбогатевшие золотоискатели. Нам плевать было, что машина ржавая, как старое ведро, что она пыхтит и громыхает чем-то при каждом движении, что раз в несколько дней Саньке приходится забираться под нее и с озадаченным видом что-то подкручивать, привинчивать и менять. У нас теперь был свой собственный выезд – и счастливее нас не было никого в городе. Когда мы проносились в своем тарахтящем корыте мимо пряничного, нарядно-причудливого, красно-белого здания бывшей Ярмарки, теперь именуемого «выставочным комплексом»,

мне казалось, что все смотрят на нас, зеленея от зависти перед нашим великолепием!

Как-то в октябре, когда в воздухе висела стылая морось, а городские скверы и парки влажно желтели поредевшими кронами деревьев, мы как всегда неслись по городу на нашей золотой колеснице.

Я так и не поняла толком, что тогда произошло.

То ли проклятая «Волга» забуксовала лысой резиной на мокром асфальте, то ли Санька отвлекся от дороги, то ли тот «КамАЗ» потерял управление и выехал на встречу...

– Ты, Санька, опасный тип, – как раз со смехом говорила я. – Признайся, ты пользуешься своей подкупающей улыбочкой как секретным оружием.

– И ведь эффективное же оружие. – Он на секунду обернулся ко мне и улыбнулся – улыбнулся той самой обезоруживающей, сводящей с ума солнечной улыбкой.

И в ту же секунду что-то загремело, заскрежетало!

Санька резко выкрутил руль. Что-то тяжело грохнуло в борт машины, зазвенело. Меня швырнуло в сторону, ударило лбом...

Сквозь грохот я различила Санькин сдавленный вскрик. И снова – звон, резкое прикосновение стылого влажного воздуха, и снова удар!

И чернота.

Все произошло так быстро. И это впоследствии страшно

поразило меня. Всего пара мгновений – и твоя жизнь меняется до неузнаваемости.

И помешать этому никак нельзя, и предугадать невозможно. Невероятная хрупкость бытия, непрочность момента, биевание жизни, прерванное одним щелчком...

Я очнулась довольно быстро – уже в «Скорой».

С трудом разлепила глаза и сначала долго не могла понять, что это такое... клеенчато-зеленое сбоку, и почему над головой мотается какая-то пластиковая белая хреновина.

Потом уже сообразила, что зеленым был угол койки, на которую меня положили, а белая пластмассовая штука – приспособление, чтобы ставить в дороге капельницы. Мне оно не понадобилось. Дурная привычка не пристегиваться в машине, как выяснилось впоследствии, на этот раз сыграла за меня. При столкновении меня вышвырнуло через лобовое стекло.

К тому же Санька в момент аварии развернул машину так, чтобы весь удар пришелся на его край.

Я отделалась лишь сотрясением и множеством мелких порезов на руках и лице.

Придя в себя, я тут же стала оглядываться по сторонам в поисках Саньки. Кажется, в машине кроме меня пациентов не было. Может, его погрузили в другую «Скорую»?

Я попыталась сесть, и тут же ко мне наклонилась медсестра в синем форменном костюме:

– Ты что? Ты что?! Лежи! Давай, укольчик сделаю. Успокоительное.

– Не надо, – я помотала головой. – Со мной все хорошо. А где Санька? Где парень, с которым я была в машине?

– Да там они, прямо за нами едут, на другом автомобиле, – объяснила она и почему-то посмотрела в сторону.

...В больнице пахло хлоркой и еще чем-то непонятным, но тревожным.

Меня поместили в палату – клетушку с облупленными стенами и прямоугольным оконцем в верхней части двери, сквозь которое из коридора сочился зеленоватый свет.

Вскоре появилась мама. Темное платье сбито куда-то набок, подол вымок от дождя. Обыкновенно зачесанные наверх, в тяжелый узел, волосы всклокочены. Ей, наверно, позвонили прямо на занятия, в музыкалку. Мне почему-то так жалко ее стало. Я впервые вдруг подумала: я ведь у нее одна – что, если бы я погибла в этой аварии...

Мама подскочила к моей постели, рухнула коленями на пол и, вцепившись в мою руку, принялась покрывать ее короткими сухими поцелуями. К лицу прикасаться она, видимо, боялась.

– Доченька... Алиночка... – хрипло говорила она. – Ты что же... Господи, как ты себя чувствуешь? Где болит?

И мне на мгновение показалось, что я снова стала маленькой, а мама – всесильной. Что все мои беды ей ничего не стоит победить одним движением руки, щелчком сильных му-

зыкальных пальцев...

– Мама, а где Санька? – спросила я. – Как он? Ты его видела?

Я, должно быть, смотрела на нее так отчаянно, что мать, еще секунду назад всхлипывавшая и целовавшая меня, вдруг смешалась, сморщилась – и тут же распалилась, словно гневом спасаясь от страха смерти, страха потери:

– Я говорила, говорила, что эти поездки плохо кончатся! Ну зачем, скажи, зачем ты с ним поехала?

– Мам! Мам! – Я дернула ее за рукав. – Послушай, мам, сходи, узнай, что с Санькой! Я очень тебя прошу, мам! Мне ничего не говорят, никуда не выпускают!

Мать поджала губы, посмотрела на меня сердито, а потом сказала:

– Ладно!

Поднялась с колен и быстро вышла в коридор.

Ее не было минут десять. Все это время я смотрела, как по подоконнику, с той стороны стекла, прыгает шустрый воробей. И почему-то не могла отвести от него взгляд. У него был темно-коричневый «шлемик» на голове. Когда-то Санька объяснил мне, что со «шлемиками» – это мальчики, а серые и без «шлемика» – девочки, воробьихи...

В палату вернулась мама, и лицо у нее было... какое-то чересчур оживленное, как будто бы даже веселое. Неестественно веселое. Будто бы она из всех сил пыталась изобразить спокойствие, но переигрывала по неумению.

– А я говорила с твоим лечащим врачом, – сказала она живо. – Тебя, может быть, через два дня уже домой отпустят.

– Мам! – оборвала я.

Внутри поднимался ледяной ужас: колкое морозное крошево словно заполняло все нутро, забивало горло и легкие.

– Мама, что с Санькой?

– А... С Санькой... – начала она, все так же глядя куда-то поверх меня неестественно оживленными глазами. – Ты знаешь... пока непонятно... он еще... Но все будет хорошо!

– Мам! – рявкнула я и быстро села на постели. – Хватит этой херни!

Мать поморщилась, она не терпела крепких выражений, всегда пилила за несдержанность отца. Но сейчас не решилась меня одергивать.

– Я же не идиотка! Что с ним?

– Я только умоляю тебя, не дергайся, – устало сказала тогда она. – Тебе нельзя! У тебя сотрясение...

– Мам!

– Да я сама толком не поняла, что с ним, – каким-то надорванным голосом произнесла она. – Состояние критическое, очень большая кровопотеря...

Она механически повторяла медицинские термины, вероятно, услышанные от врача.

– Там что-то сложное с кровью... Редкая группа. Необходимо переливание, но здесь его сделать невозможно. Может быть, срочная транспортировка в Москву... Но это очень до-

рого...

– Так вопрос только в деньгах? – ахнула я.

Мне вдруг почему-то стало даже легко. Деньги – ерунда, никому не интересная мелочь, чушь собачья. Раз Санька жив, раз его можно спасти, и все упирается только в деньги, значит, все будет хорошо!

Деньги же... Их же можно всегда достать, да? Ну не умирать же человеку из-за такой глупости!

– Тут его родители, – меж тем продолжала мать, – и они... у них...

– Мам, стой, – оборвала ее я. – А сколько нужно? Мам, а ведь у нас же есть? Вы с отцом откладывали, чтобы дачу построить.

– Есть. – Мать теперь тоже смотрела в сторону, как медсестра в «Скорой». – Они у отца на книжке. Но...

– Ага! – Я уже подскочила с кровати, сорвала с запястья датчик, провод от которого тянулся к какому-то прибору на тумбочке. Сунула ноги в нашедшиеся под кроватью ботинки – меня в них сюда привезли.

– Ты куда? Ты что?! – всполошилась мать.

Она повисла у меня на плече, навалилась всем весом.

– Я тебя никуда не отпущу. Ты с ума сошла?! Тебе вставать нельзя, ты мне обещала... Я с тобой честно, а ты...

Но я, не слушая, уже метнулась к окну – знала, что в коридоре врачи, медсестры, что они не выпустят меня, еще обколят чем-нибудь, как буйную. Я изо всех сил рванула на себя

створку, вспугнув круглоглазого воробья.

Второй этаж... Прыгать высокогато.

А, вон пожарная лестница на стене. Отлично!

– Стой! – заорала мать и попыталась ухватить меня за подол больничной рубашки.

Но я, уже вскарабкавшись на подоконник, предупредила:

– Мам, лучше не дергай меня, а то вывалюсь!

Я плохо помню, как добралась до дома.

Кажется, поймала такси, клятвенно пообещав водителю, что, как только доберусь до квартиры, сразу вынесу ему деньги. Мне даже в залог нечего было ему оставить, но он, видно, пожалел меня – ошалевшую, полуголоую на промозглой осенней улице – только тонюсенькая голубая сорочка и ботинки. Ключ, по счастью, у меня был – мать успела сунуть его мне в руку, прежде чем я ступила с подоконника на проржавевшую перекладину лестницы.

В квартире никого не оказалось. Я вынесла таксисту деньги, а тот, окинув меня сочувственным взглядом, спросил:

– Никуда больше не подвезти, дочка?

– Сейчас... Погодите...

Я сжала руками виски.

Нужно было спешить. «Скорее, скорее!» – сердце билось прямо у меня в горле. Соображай, где может быть отец? На работе? Нет, слишком поздно... Ох, конечно же!

– А вы спорт-бар «Штрафная» знаете? – спросила я у так-

систа.

– Еще бы, – хохотнул тот. – Только тебе бы туда в таком виде...

Но я уже снова забралась на заднее сиденье машины и попросила:

– Быстрее, пожалуйста!

Удивительно, но в тот момент, несмотря на то что я менее двух часов назад пережила аварию, находиться внутри машины я совершенно не боялась. Страх перед дорогами пришел потом – и долго еще я отчаянно шарахалась от машин, не могла пересилить себя и решиться сесть в такси.

Но в тот день я вообще не помнила о себе.

У меня не было никаких чувств, никаких страхов, кроме одного-единственного – не успеть! Ведь отцу еще нужно будет снять деньги в банке до закрытия. Или достаточно будет показать в больнице сберкнижку?..

Ладно, разберемся!

Я влетела в помещение спорт-бара, смрадное, дымное, провонявшее разгоряченными мужскими телами. Сразу два телевизора транслировали какой-то футбольный матч.

– Ой-ой-ой, какой опасный момент! – сокрушался комментатор.

Ему вторил возмущенный рев смотревших футбол посетителей.

Я застыла в дверях, пытаюсь разглядеть среди пары десятков чем-то неуловимо похожих друг на друга мужиков соб-

ственного отца. Все оторопело уставились на меня.

– Явление Христа народу, – протянул кто-то.

– Ты чего это, из дурки сбежала? – подхватил другой.

И вдруг я услышала знакомый голос отца:

– Алинка, ты, что ли? Ты откуда? Мать твою, какие черти тебя драли?

Отец шагнул ко мне, и я, кажется, впервые в жизни бросилась к нему, обняла за шею и почему-то вдруг заплакала и принялась горячо объяснять:

– Авария... Я... Санька... Нужны деньги... Пап, пойдем скорее, со сберкнижки!

Отец молча слушал меня, потом с силой оторвал от своей груди и встряхнул. Наморщил лоб, соображая, всмотрелся в мое лицо:

– Сама-то ты как, нормально? Жить будешь? Ага... Говорил я всегда, что на этом говне, которое мы на заводе делаем, ездить нельзя...

Какой-то отцовский собутыльник на эту реплику хрипло загоготал.

– А кому, говоришь, деньги нужны? Саньке? Этот тот хрен с горы, белобрысый? Угу, ясно. А мамка с папкой его чего? М-мм, нету... Оно-то ясно, конечно, у них для родного дитяти нету, а у меня должны найтись. Гляжу, умные какие все стали, не то что в советское время...

Я поняла, что отец, успевший уже выпить, пустится сейчас в свои бесконечные рассуждения, и время будет неумолимо

упущено. Поэтому я перебила его, затрясла, причитая:

– Папочка, потом! Папочка, пойдем скорее! Он же... Он может не выжить...

– А я тебе говорю: это врачи там мутят, в больнице! – отвечивал мне отец. – Это они, паскуды, деньги с рабочих людей тянут. Есть у них все, и кровь есть, и транспорт... Только урвать же надо! Меня эта гребаная страна всю жизнь грабит. Я на завод с шестнадцати лет пришел, вкалывал как каторжный, хотел кооперативную квартиру купить, денежки откладывал. А они где – денежки мои? Здравсьте, познакомьсьте – девальвация, деноминация... Только очухался малость, поднакопил на старость – нате вам, платите за чужого пацана. Нет уж, дудки! Я этим сучьим вырождам в белых халатах и копейки не дам, ворюгам! Это... это принципиальный вопрос!

– Прально, Петрович! – загудел из-за соседнего стола красномордый мужик.

– Папа. – Я отшатнулась от него, сжала руки.

Я поверить не могла, что это конец, больше я ничего не могу сделать. Из-за какой-то глупости, из-за чепухи, о которой я и не задумывалась никогда, сейчас умрет Санька. И я больше никогда его не увижу, он никогда не улыбнется мне, и в Москву мы не поедем, и петь...

– Папа! – в последний раз вскрикнула я. – Я тебя умоляю, папа! Он же умрет!

– Всех не перевешаете! – пьяно отозвался отец и сердито

грохнул о столешницу пивной кружкой.

И я поняла, что нужно уходить.

Он мне не поможет.

Обратно до больницы я добралась на автобусе. Сидела, привалившись лицом к стеклу – мутному, в грязных разводах, и даже радовалась, когда автобус подбрасывало на кочке и я билась об окно лбом. Боль отдавалась в затылке, напоминая, что я, оказывается, все же могу еще что-то чувствовать. Меня подташнивало – то ли сотрясение давало о себе знать, то ли крошечный ужас и отчаяние отзывались такими странными побочными эффектами.

Автобус остановился на нужной мне остановке.

Я вышла, прошла через каменные ворота и медленно побрела к корпусу через больничный сквер. Под ногами чавкали размокшие от дождей листья. Сгустившиеся сумерки цеплялись за сучковатые ветки деревьев.

На крыльце под покачивавшимся на ветру желтым фонарем я увидела мать. По ее лицу, по сгорбленной, виноватой какой-то фигуре я поняла, что Санька умер.

Через два дня после моего приезда в Стамбул состоялся первый концерт.

Когда меня подвезли к концертному залу – кортеж из несколько черных БМВ, два джипа с охраной, все как положено – вокруг уже собралась толпа.

Конечно, мой приезд не прошел незамеченным. Я видела, как всколыхнулось за заградительной лентой море людей, ожидавших моего появления. Толпа зашумела, защелкали вспышками журналисты – что вообще-то было странно, что там они могли сфотографировать сквозь затененные стекла моего автомобиля?

Времена, когда подобные встречи тешили мое тщеславие, давно прошли. Теперь толпа восторженных поклонников вызвала досаду, легкое раздражение – и все. Хотело поскорее покончить со всем этим и оказаться на сцене.

Разумеется, в нужный момент я, как и положено, с улыбкой выпорхнула из машины.

Охрана сгрудилась передо мной, прикрывая от толпы на случай, если какой-нибудь псих решит вдруг на меня наброситься. После сухого мертвенного кондиционированного воздуха автомобиля мне в лицо сразу же пахнуло пряным густым ароматом южной ночи. Жар остывающего асфальта, хвойные и сандаловые нотки, морская соль и горные травы...

Я вскинула руку и помахала редевшим поклонникам. Молодые мужчины, девушки в совершенно европейских открытых нарядах, супружеские пары – самая разношерстная публика.

Мои ассистенты тем временем кидали в толпу подписанные мною в машине фотографии. Какой-то седой носатый мужчина в белой футболке рвался за ленту ограждения, раз-

махивая копеечным фотоаппаратом и горячо вопя:

– Можно с вами сфотографироваться? Для моей внучки!
Очень прошу!

Но я прошла мимо него, не останавливаясь.

Фотографироваться с поклонниками, тем более на их камеры, я не соглашалась никогда, рискуя прослыть заносчивой гордячкой. Однако это было слишком опасно.

В отведенных для меня помещениях все было приготовлено по высшему разряду. У меня не такой уж огромный и подробный райдер, однако свежий воздух в гримерке, много минеральной воды и салфеток являются неперенными условиями, без соблюдения которых я тут же покину концертный зал. Здесь, сразу было видно, мои привычки хорошо изучили и отнеслись к ним с пониманием и любовью.

До концерта оставалось еще полчаса, и я, прикрыв глаза, с наслаждением отдалась в руки визажистов, стилистов и прочих мастеров, которые должны были превратить меня за это время в безупречную, близкую и понятную каждой зрителю – и одновременно загадочную недостижимую звезду.

Последняя минута перед выходом на сцену – это особенный момент.

И остается он таким всегда, сколько бы лет сценической карьеры ни было за плечами. Это чувство подобно знаменитому «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» В этот миг всегда хочется замереть на минуту, глубоко ощущая красо-

ту и важность момента. Почувствовать — это я, я стою здесь, с гордо вскинутой головой, со звучащей внутри меня музыкой, которую нужно осторожно, не расплескав по дороге, донести до собравшихся в зале зрителей! И я сделаю это, сделаю, несмотря ни на что. И ни один человек в зале не узнает, как паршиво у меня на душе, что именно я сейчас переживаю. Может быть, жизнь моя давно кончена, может быть, мне и петь-то давно уже не о чем, но люди, пришедшие сегодня меня послушать, ни за что не должны об этом догадаться...

Я, как скупой рыцарь, всегда старалась сохранить в себе это ощущение, не растратить ни одного грана его, все вынести на сцену.

Именно поэтому я всегда шикала на колдовавших вокруг меня стилистов, запрещая громко разговаривать или включать музыку.

Я, признаться, не очень-то люблю людей, их суета и разговоры меня утомляют. Пусть сплетничают за спиной, если им так это нравится, но в моем присутствии я требую уважения и послушания. Не из самодурственных замашек, а затем, чтобы сосредоточиться и по крупницам собрать внутри нужный настрой и вынести его на суд публики.

Вот как сейчас.

...Грянула музыка, и я шагнула вперед. Туда, на освещенную ярким светом софитов сцену.

Я показалась зрителям на укрепленной наверху узкой си-

яющей площадке, а затем двинулась вниз по лестнице, плавно сбегающей ступенями к нижней части сцены.

Держать спину ровно, осторожно, но уверенно переступать ногами, закованными в концертные туфли с высокой тонкой шпилькой, улыбаться так, словно никаких невзгод для тебя не существует, и этот концерт, эти зрители, эта музыка – вершина всего, о чем ты когда-либо могла в жизни мечтать...

Шлейф темного длинного платья с золотистым отливом струился за мной, как русалочий хвост. Длинные, тяжелые волосы, уложенные роскошными волнами, падали на обнаженные плечи.

Я спустилась вниз, махнула темному провалу зрительного зала рукой и запела.

Ряды партера со сцены обычно не видны – слишком ярко бьют в глаза софиты, установленные по краю площадки. А вот бельэтаж и ложи разглядеть иногда удается. Сегодня, например, я отчетливо увидела, что в VIP-ложе расположились знакомые мне лица.

У самых перил, навалившись на них локтями, восседал консул Виктор Саенко. Снова, кажется, самой позой подчеркивал: я простой парень и всех этих ваших этикетов не разумею. Что, на самом деле, было странно, учитывая высокое положение Саенко. Несомненно, с этикетом он был прекрасно знаком, но следовать ему то ли не считал нужным, то ли нарочно не хотел. Почему? Считает, что достиг такого поло-

жения и власти, когда уже может позволить себе что угодно? Или носит маску простачка для каких-то своих целей?

Интересно...

Широкое добродушное лицо консула покраснело. Он с улыбкой слушал меня и, кажется, отбивал пальцами ритм на бордюре.

Что ж, хорошо. Искренне ли или нет, но Саенко, видимо, решил записаться в число моих поклонников. И прекрасно – это облегчит мне дальнейший доступ в посольство.

Концерт прошел превосходно.

Я несколько раз меняла костюмы, перевоплощаясь из роскошной европейки в восточную принцессу Грезу, из яркой игривой кокетки – в сдержанную элегантную леди. Последней я исполняла заглавную песню концертной программы «Приказано – забыть». Горькую и драматичную историю любви и вынужденной разлуки...

Надо признать, за столько лет певческой карьеры я давно уже перестала вкладываться в выступлении душой. Теперь это была просто работа – такая же, как тысячи других. Тщательно отрепетированное, спланированное, расписанное по секундам шоу. Поиграть голосом, трагически заломить руки, расхохотаться с ноткой горечи, блеснуть глазами, качнуть станом, встряхнуть локонами. Здесь чуть тише, зачем громче, добавить в голос смеха или слез... Смешать, но не взбалтывать. Всё – изысканный коктейль, сбивающий

с ног разгоряченную публику, готов!

Но именно эта песня почему-то меня зацепила.

Исполняя ее, я снова чувствовала себя шестнадцатилетней девчонкой, для которой каждый выход на сцену – волшебство, откровение, единение с музыкой и залом! А ведь я думала, что во мне ничего уже не осталось от той, прежней, которая жила легко и открыто, не боялась мечтать и загадывать, чувствовать, верить, любить...

Наверное, как бы ни старались мы и окружающие нас вытравить из себя по капле все живое, чистое, детское – оно никак не желает умирать. Оно прячется в самые глубины души, чтобы однажды выглянуть оттуда ненароком – к нашему смущению или отчаянию.

Что-то такое и поднимало голову в моей душе, когда я пела «Приказано – забыть». Я снова как будто окуналась в тот золотой день на Волге, снова видела перед собой солнечную Санькину улыбку...

В этой песне я словно оплакивала свою беспечную, бездумную юность, разрушенную одним ударом, свою исковерканную, растраченную вовсе не на то, о чем когда-то мечталось, жизнь.

Приказано – забыть...

Забыть о том, что у меня нет родины, нет дома, родителей, семьи, близкого человека, будущего. Приказано забыть самое себя, свою сущность.

Забыть...

Пропев последнюю строчку, я прикрыла лицо ладонями, замерла на несколько секунд, дожидаясь, пока стихнет музыка.

А затем резко выпрямилась, вскинув голову!

Черный провал зрительного зала взорвался аплодисментами. Зрители бесновались у сцены, протягивали ко мне руки. В проходах толпились поклонники с цветами – я знала, что все букеты примет моя охрана, не забывая сердечно благодарить каждого подошедшего, я отдавала на этот счет специальные распоряжения.

Поклониться. Уйти за кулисы.

Снова выйти на бис.

Принять у охранника один из букетов. И еще один. Прижать руки к груди. Искренне поблагодарить.

И снова. И еще раз...

А вот теперь достаточно!

Это тоже часть профессии – уметь точно определить необходимое количество простоты и сердечности, и в то же время – всегда держать дистанцию, уходить вовремя, не превращаясь в отчаянно жаждущую зрительского внимания помещанную на признании психопатку.

В гримерке обнаружилась колоссальная корзина темно-бордовых роз. Едва ли не с меня саму ростом. Охрана уже успела проверить ее на предмет спрятанных взрывных устройств – к несчастью, встречаются и такие поклонники.

Но корзина была чиста и невинна.

Среди цветов я обнаружила конверт с карточкой. «Несравненной Айле. С надеждой на скорую встречу. Фарух Гюлар».

Ах да, еще один мой пылкий местный поклонник. Значит, и он тоже был на концерте?

Отлично, полезные связи завязываются здесь сами собой.

Дворец Топкапы был расположен в оливковой роще на мысе Сарайбурну. Величественный комплекс каменных зданий с голубовато-серыми куполами и устремленными ввысь островерхими башенками виден был с берега моря. Старинные стены утопали в зелени, а над крышами дворца простиралось выцветшее от жары знойное небо.

Я неплохо знала его историю. Дворец стал основной резиденцией османской династии при Сулеймане Кануни – законодателе. Именно здесь были созданы более пяти веков назад законы Османского халифата, которые и по сей день считаются историками образцом справедливости и порядка.

Хоть я и не впервые видела дворец Топкапы, впечатление он неизменно производил на меня грандиозное. Ощущение незыблемости времени, полноты жизни, которая была задолго до нас и будет после нас. Ощущение того, что настоящая любовь – вечна, что она не стирается временем, а остается в нем и доходит до нас во всей своей полноте и великолепии! И прекрасный дворцовый комплекс служит нам доказательством этого, иллюстрацией великой истории любви одного

из прославленных восточных правителей. Ты смотришь на эти стены – и понимаешь вдруг, что есть что-то, что не меняется никогда, остается незыблемым на века, и твоя жизнь – лишь краткая вспышка на фоне тяжеловатого величия этих стен...

Дворец был как обычно наводнен шумными туристами.

Но от нас с Фарухом их оттирали ловкие охранники, и двигались мы практически в уединении, никем не тревожимые. Порой мне казалось, что сейчас я услышу шорох шелкового платья, и из покоев гарема выйдет Хюррем-султан в своей диадеме – прекрасная, коварная, умная, благородная, дающая и отбирающая. Женщина, о которой Великий Сулейман сказал: «Я управляю миром на трех континентах, но, оказывается, я не могу управлять любимой, которая поднимает восстание в знак своей любви!»

Фарух Гюлар, облаченный в снежно-белые брюки и яркую рубашку, петушился от гордости: еще бы, сумел организовать для дорогой гостьи эксклюзивный осмотр главного стамбульского памятника культуры!

– Вы, европейцы, – разглагольствовал мой спутник, прогуливаясь со мной под руку по прохладным залам дворца, – боитесь проявлять эмоции – восхищение, увлеченность, радушие! Вам отчего-то кажется, что таким образом вы проявите свою слабость, продемонстрируете уязвимость. Вы держитесь сдержанно и холодно, однако в критический

момент ваше воспитание и моральные нормы не позволяют вам предать человека, который вам доверился, даже если вы ничего ему не обещали и никак не демонстрировали привязанность. Вы холодны и постоянны, как ваши северные скалы. Мы же, люди восточные, южане, не боимся показаться смешными или жалкими – открыто улыбаемся, восхищаемся, поражаем своим дружелюбием и гостеприимством. Однако горе вам, если вы решите по-настоящему поверить нашей сладкой улыбке!

– То есть вы опасный человек, господин Фарух? Доверять вам не стоит? – лукаво спросила я.

Пожалуй, следовало подпустить этого раздувающегося от чувства собственной значимости турка поближе – слегка пофлиртовать, поддразнить. Такие темпераментные прилипалы и увлеченные сплетники могут быть иногда очень полезны. Их никто не принимает всерьез, не обращает на них особого внимания. Но они, как выясняется часто, уже везде успели побывать, все видели, все знают и обладают порой информацией куда более ценной и эксклюзивной, чем иные сознательные проныры.

– Я? – ахнул Гюлар, обернувшись ко мне. – О, нет! Я – продукт нового века, дорогая моя. В детстве получил традиционное воспитание, а образование завершал в Европе. Я – промежуточное звено, яркий представитель нашего с вами печального времени, которое вернее было бы назвать безвременьем.

– Восточную велеречивость вы, однако, уж точно не утратили, – заметила я.

Гюлар, расплывшись в довольной улыбке, благодарственно наклонил голову.

Мы прошли в сводчатую комнату, отделанную расписной плиткой. Под арками потолка сплетались причудливые золотые узоры. Вдоль стен тянулись низкие диваны.

– Вот здесь, – рассказывал Фарух, – четыре раза в неделю собирался государственный совет во главе с великим визи-рем. Для решения гражданских и религиозных вопросов.

– Вы так хорошо знаете историю Османской империи, – решила польстить своему спутнику я. – С вами потрясающе интересно!

Гюлар аж зарделся от удовольствия.

– Говорю же вам, дорогая моя, европейское образование и впитанные с молоком матери традиции...

– А как вы познакомились с консулом Саенко? – ввернула я, убедившись, что Гюлар окончательно преисполнился самодовольного добродушия. – Я слышала, вы с ним большие друзья.

– Да, мы с Виктором... как это у вас говорят? Не разлейся море?

– Не разлей вода, – поправила я.

– Ах, да, конечно! Не разлей вода. – Гюлар вдруг вытащил из кармана брюк маленькую замусоленную книжицу, щелкнул авторучкой и быстро записал идиому, проговари-

вая про себя русские слова.

– Так как вы сблизились? – напомнила я.

– Теннис, – широко улыбнулся мне Гюлар. – Мы оба с ним завязтые игроки. Однажды столкнулись на корте, разговорились – и с тех пор стали неразлучны. Но почему вы им интересуетесь, моя дорогая? Неужели ему удалось завладеть вашим вниманием?

– Он был на моем концерте, – пояснила я, не забыв напустить в глаза туману и едва заметно, но так, чтобы от Гюлара это ни за что не укрылось, мечтательно вздохнуть. – И я подумала...

– Ах, вероломный ишак! – тут же рассвирепел Фарух. – Подло действовать за спиной друга! Ведь он знал, как вы, ваш талант и красота вскружили мне голову...

– О, бросьте, – заступилась я за Саенко, сознательно раздувая негодование Гюлара, – он ничего такого не делал, просто сидел в ложе.

Тот, как и было рассчитано, и не думал успокаиваться, и продолжал бормотать:

– Аллах вас убереги – купиться на обаяние этого распутника! Он пустой, легкомысленный человек, которого в жизни интересуют лишь удовольствия. Если же вас ослепляет его положение – уверяю вас, оно весьма шатко! Я, признаться, удивлен, почему его вообще до сих пор держат на такой важной службе, если все дни он проводит, тратя время на теннис, женщин, развлечения и удовольствия.

– Фарух, Фарух... – с легкой укоризной протянула я. – Я-то думала, вы с Виктором друзья. Нельзя быть таким ревнивым!

Гюлар опомнился, сообразил, что наговорил лишнего, и принялся расшаркиваться:

– Прощу прощения, дорогая моя. Мое поведение недопустимо и удручающе. Разумеется, Виктор...

– Ох, – заговорщицки шепнул я. – Не извиняйтесь. Честно говоря, я обожаю сплетни! Расскажите мне еще про кого-нибудь из служащих российской миссии в Турции. Говорят, вы завсегдатай на приемах в посольстве. Вот, скажем... м-мм... про Завьялова?

– Этот старый... – вскинулся Гюлар но тут же оборвал себя, смешался и с притворным стыдом произнес:

– Ходят слухи, что этот человек подвержен наркомании. Разумеется, я как турецкий парень, получивший европейское образование...

Боже, да сколько же еще раз он подчеркнет это важнейшее достижение своей жизни?!

– Как человек, получивший европейское образование, разумеется, принимаю и разделяю толерантные взгляды на... сно есть вещи, которые на столь высоком посту...

– Вот оно что! А как насчет самого посла?

Я упомянула еще нескольких персон, с которыми успела познакомиться в первый вечер в посольстве.

Гюлар разошелся не на шутку. Вскоре ему уже и не нужно

было задавать наводящих вопросов, он полностью переключился на монолог, выдавая все новые и новые слухи и сплетни обо всех российских подданных, с которыми ему довелось пообщаться. Я поддакивала, ахала, то возмущалась, то изумлялась, побуждая его не останавливаться, словно пораженная его осведомленностью.

Он так увлекся, что пару раз даже споткнулся на великолепном тысячелетнем мраморном полу. Лицо его покраснелось, хищные усы стояли дыбом. Зрелище он являл собой невероятно комичное – этакий мультяшный персонаж.

Наконец, мы вышли на знаменитый балкон Хюррем-султан, откуда открывался прекрасный вид на Босфор.

Солнце яростно слепило глаза, стоя прямо над нашими головами. Внизу, далеко под нами, плыли по синей глади корабли, так же как и много сотен лет назад. Только тогда это были юркие галеры, а сейчас – современные лайнеры.

На мгновение мне почудилось, что я странным образом оказалась именно на том месте, где и должна была находиться. Как будто я попала домой, обрела, наконец, утраченную половинку души...

Хюррем-султан, великая возлюбленная, великая жена великого правителя. Иногда мне кажется, что мы с ней очень похожи, хотя вряд ли бы подружились.

Однако долго наслаждаться красотами моего любимого города я не могла. И потому обернулась к разомлевшему от жары и открывавшегося нам живописного вида Фаруху.

– А что вы скажете насчет Радевича? – наконец, вставила я. – Как там еще его называют – Лорд? Неужели и про него вам известен порочащий секрет? Мне говорили, что этот человек славится кристальной честностью.

– Что может быть подозрительнее незапятнанной репутации? – тут же воодушевился Фарух. – Посудите сами, все мы – живые люди, со своими слабостями. У одного это женщины, у другого – азартные игры, у третьего – наркотики. Вы верите в безупречность? Я, признаться, нисколько. И когда я встречаю такого человека, как Олег Радевич... Человека, который, живя в самом сердце Востока, среди средоточия красоты и удовольствий, в городе может быть замечен разве что... на стамбульском рынке Гранд Базар... Он, представьте себе, страстно любит готовить и всегда сам придирчиво выбирает специи! Так вот, когда я встречаю такого человека, мой опыт подсказывает мне – ни на йоту ему не доверять. Если чья-то репутация кристально чиста – это может означать лишь одно: он изрядно потрудился, чтобы создать такую видимость. Для чего она ему нужна – вот в чем вопрос? Вероятнее всего, для того, чтобы получить доступ к удовольствиям более высокого порядка.

– Какие же это удовольствия? – распахнула я глаза.

– Деньги и власть, разумеется, – сардонически усмехнулся Гюлар. – Ах, я совсем вас заговорил, дорогая моя. Вы, вероятно, заскучали. Пойдемте скорее, здесь внизу, прямо под балконом, есть великолепное кафе. Я распорядился, что-

бы для нас зарезервировали столик.

Гюлар подхватил меня под руку и повлек за собой по запутанным каменным коридорам и переходам.

Гранд Базар располагался в районе Султанахмет, в сердце европейской части Стамбула. Центральную часть его составляли каменные здания с величественными голубыми куполами. А вокруг них расползлся на много километров колоссальный живой организм под названием «Южный рынок». Над крышами стремительно уходили в небо две белые башенки, увенчанные голубыми шпилями – мечети Айя София и Голубая.

Войти на рынок можно было через один из многочисленных входов, но я решила воспользоваться главными воротами – Нуросмание.

Я вошла в крытое здание – и с головой погрузилась в этот яркий, пахучий, удивительный мир.

Восточный рынок – это не просто место, где можно что-то купить, это целый театр, цирковое представление, от которого я неизменно получала удовольствие. Темпераментные продавцы, зазывающие в свою лавчонки, уговаривающие попробовать свой товар и по-детски обижающиеся, если ты так ничего у них и не купишь. Со всех сторон до меня доносились окрики:

– Мадам! Леди! Понюхайте духи! Попробуйте гранаты!

Они, безусловно, имели наметанный глаз и понимали, что девушка я достаточно состоятельная. Поэтому вели себя примерно, за руки не хватали, но всеми силами старались заманить именно в свой магазинчик. И я знала, что стоит лишь допустить слабинку, как ты тут же окажешься внутри, будешь угощаться кофе, чаем или рахат-лукумом, слушать живописнейшую болтовню продавца о семье, туристах, ценах и прочем, прочем, прочем. И, в конце концов, сама не зная, как так вышло, все же купишь у него хоть что-нибудь.

Разумеется, поторговавшись при этом.

О, восточный торг! Отдельное искусство! Представление, в котором особую ценность имеет сам процесс, а не выторгованные две лиры. Им я тоже владела в совершенстве и умела получать от него особое удовольствие.

Сколько же здесь было всего!

Золото – по-настоящему оригинальное и дорогое и копейный ширпотреб. Изысканные ткани, вручную расписанные шелка, привезенные из Бурсы, туркменские и персидские ковры, изогнутые старинные сабли, пряности...

И запах, неповторимый запах восточного базара, в котором смешиваются ароматы фруктов, приправ, чаев, кофе, парфюмерии самых разных мастей, перца... Запах, который хочется каким-нибудь чудесным образом поместить в колбу, сохранить, унести с собой и вдыхать его в минуты уныния.

Густой пряный аромат самой жизни.

Я снова и снова проходила по узким проходам между прилавками, пристально вглядываясь в разномастную толпу посетителей. Отбрехивалась от приставучих продавцов, уворачивалась от острых локтей ошалевших от такого великолепия туристов...

Он должен был здесь появиться. Я знала это точно.

Нет, я вовсе не имела в виду интуицию, предчувствие и прочую метафизику. В предчувствия я не верила, а интуицию считала лишь следствием хорошей осведомленности, наблюдательности и умения разбираться в психологии людей. Нет, у меня были реальные, вполне весомые основания полагать, что тот, кто мне нужен, сегодня здесь появится. Получив от Гюлара определенную информацию, я и сама кое-что разведала и подготовилась. И крохотный передатчик, незаметно пристегнутый к обшлагу моей льняной рубашки, в нужный момент должен был сыграть свою роль и сделать так, чтобы все дальнейшие события развивались по моему плану.

Но для начала объект этого плана следовало найти.

Голова начинала уже кружиться и уплывать куда-то — от жары, духоты и обилия пряных мускусных запахов. Вышитая бисером сумка, которой тоже предстояло еще выполнить свою задачу, оттягивала плечо.

Я начинала терять терпение.

Где же он, в самом деле?

Наконец, когда мне уже казалось, что я так и буду бесконечно кружить по этим вычурным, ярким, крикливым, надоедливым и невероятно притягательным проулкам и переходам, он вдруг возник.

Я даже не обернулась, просто краем глаза профессионально засекла его присутствие.

Итак, цель – Олег Радевич, полковник, военный атташе, лично контролирующий все поставки российского вооружения в Турцию. Вон тот мужчина, в светлых летних брюках и белой рубашке, который в эту самую минуту шел мимо рыночных прилавков. За его спиной маячили двое молодых военных – вероятно, служащие его атташата, личная охрана.

Радевич ненадолго задержался у прилавка со специями и двинулся дальше – наверное, не нашел того, что было нужно.

По-военному коротко стриженные темные волосы, цепкие, глубоко посаженные глаза, крепкий квадратный подбородок. На загорелом лице в уголках глаз мелкие, едва заметные белые морщинки – привычка щуриться от яркого солнца. Крупная фигура, широкий разворот плеч, каменные мускулы груди под рубашкой...

Он выглядел таким уверенным в себе, сильным, спокойным, надежным.

Мой план просто обязан был сработать. Или я ничего не понимаю в мужской психологии.

Олег заметил меня.

Разумеется, окликать или подходить не стал, даже виду не подал. Но я совершенно точно определила это по остановившимся на мне на мгновение зрачкам и напрягшимся скулам.

Он меня запомнил тогда, на приеме в посольстве. Я что-то зацепила в нем, вызвала интерес. Хотя, разумеется, он приложил все усилия, чтобы не подать и виду и держаться с подобающей его положению невозмутимостью, ровной доброжелательностью и отстраненностью.

Но в силу некоторых обстоятельств я неплохо знала мужчин и умела управляться с ними. И ошибок не допускала.

Как правило.

Олег свернул в следующий коридор.

Я старалась держаться поблизости от него, но в поле зрения не попадать.

Не нужно навязываться. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он заподозрил, будто мы столкнулись тут не случайно. До сих пор ничего подозрительного в этой ситуации не было: где же еще встретиться в Стамбуле, как не в этом бурно кипящем Вавилоне под названием «Гранд Базар»?! Но если Олег поймет, что я хожу за ним по пятам, вряд ли он примет меня за навязчивую влюбленную. Подозрительный и осторожный в силу профессии, Олег Радевич наверняка решит, что что-то здесь нечисто.

Да и вышколенная охрана в жизни не позволит мне к нему приблизиться без особого распоряжения!

По прошествии примерно полчаса я решила: пора.

Олег как раз остановился у прилавка с каким-то проржавевшим железом, которое его хозяин, цветисто разглагольствуя и заглядывая покупателю в глаза, изо всех сил пытался выдать за антиквариат Османской империи. Охранники сгруппировались рядом, профессионально прикрывая Радевича со спины и с боков.

Я свернула в соседний коридор, быстро прошла мимо прилавков, вполголоса произнесла в динамик: «Кырмызы». По-турецки это значит «красный» – кодовое название одного из возможных сценариев действия, которое должно было вот-вот развернуться.

Получив подтверждение, я незаметно сорвала с себя динамик, выронила его на затоптанный пол и прицельно раздавила каблуком ботинка. Затем ловко свернула обратно в тот коридор, где оставила Олега. Краем глаза проверила – тот все так же стоял у прилавка с ржавыми железяками, вертя в пальцах какой-то клинок. Охранники терлись рядом.

Я остановилась шагах в двадцати от него у прилавка с тканями.

Стопки тканей самых разнообразных цветов и оттенков заполняли собой весь прилавок, а также занимали тянувшиеся чуть ни до потолка деревянные полки за спиной продавца. Гладкие и набивные, в «огурцах», цветах, горохах, полосах и звездах... Синие с золотым, оранжевые с зеленым, красные с черным, бордовые с бледно-розовым...

Мне на мгновение почему-то вспомнилось, как моя несчастная мать перекраивала выношенные отцовские штаны, чтобы смайстричь мне черную юбку для отчетного концерта в музыкалке. Здесь бы она, вероятно, просто сошла с ума от восторга и изобилия.

Выбросив из головы все не к месту всплывавшие ассоциации и сосредоточившись, я принялась рассматривать, щупать, едва ли не на зуб пробовать ткани, живо переговариваясь с продавцом.

— А что пойдет на платье? Мне нужен сценический костюм с восточным колоритом... Вот это? Вы полагаете? А не слишком ли яркий цвет? Не будет ли забивать лицо?

Краем глаза я отметила, как в толпу туристов, горожан и просто празднующейся публики ввинтился юркий смуглый парень с неприметным лицом и необыкновенно светлыми белками глаз на оливковом лице. Он двигался с ловкостью и грацией профессионального карманника, почти танцевал среди множества разгоряченных жарой и торговлей тел. Отступил назад, метнулся вперед, протиснулся боком, выставив тощее плечо. Плавнo скользнул рукой между телами, пригнулся — и через мгновение уже вынырнул совсем в другом месте.

Отлично, просто отлично! Володя никогда меня не подводил и присылал всегда безупречных профессионалов.

Я потерла пальцем бровь, давая пареньку понять: я его заметила, действуем по плану. И тут же снова принялась тис-

кать отрез ткани, любуясь им, поворачивая к свету то так, то эдак и поминутно прикладывая то к лицу, то к плечам.

Больше оборачиваться и смотреть на него я не стану.

Дальше все будет сработано идеально, не подкопаться.

Парень несколько минут ошивался где-то сзади, а затем объявился точно за моей спиной, на мгновение горячо прижавшись всем телом, словно бы притиснутый толпой. И тут же я почувствовала, как в холщовую сумку, висевшую у меня на плече, проскальзывает ловкая рука.

Молодец, паршивец, сработал абсолютно точно!

Если бы ему и в самом деле нужно было вытащить у меня кошелек, он мог бы проделать это совершенно незаметно – я и не ощутила бы ничего. Но сейчас его задача состояла не в этом.

Он допустил лишь минимальную небрежность, задел меня на мгновение кончиком пальца – так, чтобы заподозрить во всей ситуации подлог было никак нельзя. Просто неудача: хитрого, ловкого, опытного карманника неловко толкнул плечом прохожий, и тот – слыханное ли дело! – слажал, чуть дернулся и привлек внимание.

Я завопила!

Отчаянно и возмущенно, как и положено орать туристке, которая обнаружила, что ее пытаются ограбить. Нет, даже чуточку пронзительнее, как следует визжать избалованной капризной звезде, внезапно осознавшей, что для некоторых она – всего лишь обычная рассеянная баба, которую не грех

и обнести. Я завопила и изо всех сил вцепилась в сумку.

Продавец ахнул из-за прилавка, но вмешиваться не стал. Туристы прыснули от нас врассыпную. Кто-то рывкнул:
– Полиция!

Парень, филигранно разыгравший замешательство, вцепился в сумку с другой стороны и изо всех сил рванул ее на себя. Меня швырнуло вперед. Разумеется, в обычной ситуации я удержалась бы на ногах, догнала его, высвободила свою собственность, да еще и скрутила бы нападавшего.

Но сейчас я красиво потеряла равновесие, выпустила из пальцев край сумки и отлетела в сторону. Чувствительно приложившись скулой об угол прилавка, я осела на пол.

Парень, ухватив мою сумку, канул в толпу. На мгновение мелькнула его обтянутая зеленой майкой тощая спина, показалась черная вихрастая голова – и через секунду мой грабитель уже смылся.

Я прижала ладонь к щеке. Сквозь пальцы струилась кровь, капая на рубашку.

Великолепно. Красное на белом, как страшный, болезненный цветок...

Он не скоро это забудет.

Сначала ко мне двинулся охранник Радевича, но тот что-то быстро сказал ему и направился вперед сам. Через пару секунд Олег был уже около меня, присел на корточки и положил руки на плечи. У него были крупные, очень теплые

ладони. Длинные, филигранно вылепленные пальцы. Такие руки некогда рисовал да Винчи – красивые, сильные, но не грубые. Словно самой природой созданные для того, чтобы обнимать женщину, дарить ощущение надежности и тепла, укачивать ребенка, удерживая его крепко и вместе с тем нежно...

На мгновение я даже пожалела, что не нахожусь в состоянии шока на самом деле. Приходить в себя в его руках могло бы быть невероятно приятно.

– Вы в порядке? – требовательно спросил Олег, наклоняясь ко мне.

От него замечательно пахло свежей отглаженной рубашкой, легким, чуть древесным ароматом одеколона и почему-то металлом – ах да, это от рук, он же только что вертел в пальцах какие-то железяки.

Я вскинула голову и посмотрела на него рассеянным, плывущим взглядом. Словно бы не вполне понимала, где я нахожусь, и кто он такой.

– Айла, вы меня помните? – настойчиво спрашивал он, в то же время бережно придерживал меня за плечи. – Меня зовут Олег Радевич, мы познакомились с вами в посольстве. Вы помните, что произошло? Голова не кружится? Посмотрите, сколько пальцев вы видите? Айла!

Он выпустил мое плечо – я тут же ощутила неприятный укол внутри от того, что его горячая ладонь перестала меня касаться – и показал мне два пальца.

Ох, ну конечно!

Любой солдат, побывавший на поле боя, наверное, умеет оказывать первую помощь пострадавшему. Олег проверял, не получила ли я сотрясения мозга.

Нет, я не настолько глупа и плохо обучена, чтобы наносить себе серьезные повреждения. Даже ради дела. Рассеченной кожи вполне достаточно – наглядно и впечатляюще.

– Айла! – снова окликнул он.

Я отозвалась слабым голосом:

– Меня зовут Алина. Айла – сценический псевдоним.

– Алина, – повторил он.

У него как-то удивительно необычно выходило произносить мое имя – мягко и глуховато. Впрочем, мне сейчас следовало заострять внимание вовсе не на этом. Черт, почему же я никак не могу сосредоточиться на главном? Неужели теряю хватку?..

– Со мной все в порядке, спасибо, – сказала я. – И я помню... Кажется, на меня напал уличный воришка, правильно?

– Все верно, – подтвердил Радевич. – Не волнуйтесь, я уже отправил за ним своего человека. Вскоре его поймают и вам вернут сумку.

«Вот это вряд ли, – усмехнулась про себя я.

Наверняка Володина группа разработала для него надежный путь отхода. И пока человек Радевича, пытаясь от старания, прочесывает многочисленные закоулки и переходы Гранд Базара, мой сегодняшний ассистент уже докладывает

Володе о том, как прошла операция.

– Вы не могли бы... помочь мне встать? – попросила я.

Этакая трогательная смущенная беспомощность. Он должен был на это клюнуть – он ведь сильный и нестигаемый герой, защитник слабых и угнетенных!

Но Олег, нахмурившись, остановил меня, властно надавив ладонью на плечо:

– Не вздумайте подниматься на ноги. У вас может быть сотрясение мозга. В таком случае вам нельзя менять положение.

– Что же вы тогда предлагаете? – вскинула бровь я.

– Обнимите меня за шею, – коротко сказал он.

– Оу... – прошептала я. – А в тот вечер, в посольстве, мне показалось, что я вас не заинтересовала...

– Делайте, что вам говорят, – неприязненно поморщившись, приказал он.

Я послушалась, и Олег тут же подхватил меня одной рукой под колени, второй – под спину, и осторожно, стараясь как можно меньше трясти, поднял на руки.

Лицедейка во мне наслаждалась сейчас этой трогательной сценой, разворачивавшейся на глазах у многочисленных зрителей. Продавцы из-за прилавков едва шеи не посворачивали, наблюдая, как суровый русский викинг оказывает помощь попавшей в беду хрупкой леди. Туристы тоже всю хлопали глазами, а шумная стайка японцев защелкала фотовспышками. Их, правда, тут же оттер один из охранников

Олега, все это время державшийся поблизости.

Я припала головой к плечу своего рыцаря.

Во-первых, для пущей драматичности сцены, во-вторых, чтобы оставить напоминание о себе: смазанный красный след на белой рубашке, а в-третьих... в-третьих, мне очень хотелось это сделать. От Олега веяло силой и надежностью, и даже я, женщина, которую уж никак нельзя было назвать беспомощной и слабой, подпала под это подчиняющее воздействие.

— Куда вы меня несете? — спросила я, поднимая голову и будто невольно мягко касаясь лбом твердой линии его подбородка.

— К машине, — отозвался он. — Вам нужно в больницу.

— Боже, Олег, клянусь вам: со мной все в порядке! Не нужно беспокоиться...

— Лучше все же проверить, — твердо заявил он.

И я послушалась, замолчала.

В конце концов, чем больше времени мы проведем вместе, тем лучше. Для моих планов, разумеется.

И потом — его голос...

Голос Олега тоже обладал мгновенной подчиняющей силой. Несложно было предположить, как мог этот человек командовать полком солдат. Черт, даже когда Радевич говорил мягко и спокойно, послушаться его казалось немыслимым! А от его непререкаемого властного тона у солдат, наверное, колени подгибались...

Мы выбрались на улицу, сопровождаемые множеством любопытных взглядов. Олег осторожно усадил меня в ожидавшую его машину. От царившей за тонированными стеклами прохлады сразу стало легче дышать. Обойдя автомобиль, он сел с другой стороны, предусмотрительно оставив между нами солидное расстояние. Мы мягко тронулись, я откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза.

Стоило все же изображать пока томную слабость, чтобы Радевичу не пришло в голову побыстрее от меня отделаться. Почувствовав какое-то движение, я посмотрела на него и увидела, что Олег протягивает меня сложенный вчетверо отглаженный белоснежный носовой платок.

– Вот, – сказал он. – Приложите к лицу.

– О, спасибо!

Я приняла у него из рук платок и прижала его к ссадине, намеренно сдвигая его так, чтобы сильнее размазать кровь. Олег, чуть прищурившись, смотрел на меня.

– Чуть левее, – поправил он. – Ближе к виску.

– Вот здесь? – Я снова нарочно промахнулась на пару сантиметров. – Придется вам побыть моим зеркалом, настоящее осталось в сумке...

– Дайте сюда.

Он отобрал у меня платок, наклонился ближе и осторожно промокнул кровь.

Я уверена была, что в эту минуту он мог ощущать мое

теплое дыхание на своих пальцах.

Ничего, даже самые неприступные и суровые воины сделаны не из железа. Все только вопрос времени.

Между нами повисло неловкое молчание.

Я быстро взглянула на склонившегося надо мной Олега, затрепетала ресницами и поспешно отвела глаза, словно обжегшись о его взгляд. Он же, приходилось отдать ему должное, отменно владел собой: совершенно невозмутимо закончил обрабатывать мою рану, отдал мне платок и отстранился.

Если моя близость как-то и взволновала его, виду он не подал.

Но я умела различать оттенки человеческих эмоций по крошечным, почти незаметным признакам. Чуть поблескивавший от пота висок, на мгновение дрогнувшие губы, учатившийся пульс...

Нет, меня ему было не обмануть!

– Как вы решились отправиться на Гранд Базар одна, без охраны? – спросил Олег.

– Просто захотелось почувствовать себя обычной туристкой, прогуляться, не устраивая из этого дурацкое шоу, – пожала плечами я. – К тому же вообще-то я довольно бесстрашна...

– Неоправданный риск – это не бесстрашие, это глупость, – бросил он.

– Да ладно вам, какой же это риск, – отмахнулась я. – Я понимаю – для вас! Вы занимаете такой высокий пост и навер-

няка нажили за жизнь немало врагов. А кому могу понадобится я? Обыкновенная певичка...

– Вы очень скромны для вашего положения, – заметил он.

«Ох, ничуть, – хотелось ответить мне. – Я просто заманиваю тебя в свои сети».

– Ох, ничуть, – ответила я. – Я просто трезво смотрю на вещи.

В этот момент у Радевича тихо заиграл мобильник. Он быстро вытащил аппарат и коротко ответил:

– Да.

Помолчал немного.

– Понял вас. Продолжайте поиски.

Отключив трубку, он обернулся ко мне:

– Пока что задержать человека, который на вас напал, не удалось. Но мои люди прикладывают все усилия.

– Ой, ну что вы, не нужно! Отзовите их, – замахала руками я. – Ничего особенного в моей сумке не было. Немного денег, личных вещей... Документы, к счастью, остались в отеле. А у ваших людей наверняка есть более серьезные дела, чем разыскивать уличного воришку.

Олег посмотрел на меня прямо и твердо:

– Не имеет значения, важно это для вас или нет. Вышло так, что я стал свидетелем нападения на вас, значит, отныне это происшествие – моя ответственность.

Вот же черт!

Нужно будет позаботиться, чтобы его люди нашли эту

проклятую сумку где-нибудь в канаве. Иначе Радевич в самом деле перетряхнет весь Стамбул, еще отыщет что-нибудь... чего не должен найти. А это совершенно не в моих интересах.

Автомобиль мягко затормозил у какого-то здания.

– Приехали, – сказал Олег. – Госпиталь дипломатической службы. Не волнуйтесь, здесь вам гарантируют полную анонимность: никаких статеек в желтой прессе о том, что вы подверглись нападению, не появится.

– Статеек я не боюсь, – улыбнулась я. – Неважно, что о тебе говорят, лишь бы в принципе говорили.

– Мне – важно, – возразил Олег.

– Ну, вам-то бояться нечего. Как я слышала, у вас безупречная репутация, – заметила я. – В любом случае: спасибо, что подумали и о моей.

В госпитале пахло стерильной чистотой и дезинфицирующим средством. Запах, несколько лет вызывавший у меня панические атаки. И даже теперь, когда страх давно проработан и побежден, что-то внутри меня неприятно сжималось. Разумеется, у этой больницы не было ничего общего с тем заведением, куда я попала в шестнадцать после той аварии: кругом чистота и порядок, свежий ремонт, новейшее оборудование, приветливый улыбчивый персонал. И все же чем-то они были неуловимо похожи – как, наверное, все медицинские учреждения мира. Впрочем, за столько лет я пере-

видала их немало и давно научилась контролировать себя, не впадать в бабскую истерику от вида белых халатов и пузрышков с лекарствами.

Олег отправился в госпиталь вместе со мной. В приемном покое к нам подошла медсестра, молодая симпатичная турчанка – тщательно по-европейски покрашенная, но с аккуратно убранными под хиджаб волосами. Радевич объяснил ей, что со мной произошло, девушка досконально записала все и заверила:

– Не беспокойтесь, я уверена, с вашей... – она на секунду замялась, окинув нас быстрым взглядом. Ясно было, что мысленно она пытается определить, в каких отношениях мы состоим, и подобрать для меня верное определение. С вашей женой? невестой? подругой? – ... с вашей спутницей, – наконец, нашла медсестра, – будет все в порядке.

От моего внимания не укрылось, что эта небольшая заминка Радевича смутила.

Разумеется, он не залился краской как мальчишка, не рассердился, не принялся оправдываться, что видит меня второй раз в жизни. Он и вовсе не подал вида, что колебания медсестры как-то его задели, но я все же поняла это по едва заметно изменившемуся ритму дыхания. Почему-то это показалось мне невероятно забавным и трогательным – такой большой, сильный, уверенный в себе, жесткий и даже мрачноватый мужчина смущается от дурацкой двусмысленной ситуации.

Впрочем, через несколько секунд Радевич непринужденно ответил медсестре:

– Надеюсь на это. Я подожду здесь. Спасибо.

– Олег, вам вовсе не обязательно ждать, – снова начала я. – Вы и так сделали для меня сегодня больше, чем я могла бы рассчитывать.

– Я уйду, как только буду уверен, что с вами все в порядке, – твердо ответил он. – Привык, знаете ли, любое дело доводить до конца.

Ох, ну конечно. Добросовестность, основательность и скрупулезность. Только и всего – ничего личного.

Я коротко пожала плечами, как бы подчеркивая, что я его задерживаться не прошу, и все дальнейшее – лишь его решение, и проследовала вслед за медсестрой по больничному коридору.

Разумеется, никакого сотрясения у меня не нашли. Впрочем, я и так была в этом уверена. Ссадину мне обработали и залили чем-то щипучим, а затем отпустили с миром.

Когда я вышла обратно в приемный покой, Олег все еще был там, разговаривал с кем-то по мобильному:

– Да, Макс, я понял. Скоро буду. Не по телефону. Да.

Увидев меня, он поспешно буркнул что-то в трубку и оборвал разговор. Я широко улыбнулась ему и изобразила театральный книксен.

– Вот и все. Я абсолютно здорова, что и требовалось доказать.

– Я рад, – скуповато отозвался он. – Все же следовало убедить-ся. Эта... ссадина не мешает вашим гастролям?

– Ох, ну что вы, – отмахнулась я. – Вы представляете себе, что такое театральный грим? Можно все лицо закрасить, а поверх нарисовать новое.

– Как удобно, – хмыкнул он.

Мы помолчали.

Именно в эту секунду я вдруг осознала, что мне все же удалось то, чего я так старалась добиться.

Между нами возникло что-то.

Смутное, неопределенное, не имеющее пока названия...

Не близость, разумеется, не эмоциональная связь, даже не заинтересованность. Просто некое легкое, едва уловимое напряжение. Как будто воздух между нами становился чуть плотнее, наэлектризованнее, и что-то едва слышно гудело и искрило, как высоковольтный кабель.

Отлично. Превосходно!

Мы стояли друг напротив друга и молчали.

Миссия Олега по отношению ко мне выполнена была на все сто и, пожалуй, даже чуть перехлестнула через границы взаимовыручки земляков в чужой стране. Теперь уже было ясно, что все позади, мне ничего не угрожает. Значит, пора расставаться. Тем более – совершенно очевидно, что у него дела, хотя бы вот по этому последнему звонку можно догадаться. Сейчас следует вежливо попрощаться со мной, посоветовать, не гулять больше по городу без охра-

ны и разойтись навсегда.

А можно...

Можно еще ненадолго отложить дела, предложить подвезти меня до отеля, завязать по дороге чуть более непринужденный разговор, продолжить знакомство. И – кто знает, во что перерастет этот несчастный случай на Гранд Базаре...

Я просто смотрела на него, не произнося ни слова.

На белоснежную рубашку с уже подсохшей багряной полосой моей собственной крови на груди. На мощную, покрытую темным загаром шею. На твердую линию чуть выдающегося вперед подбородка. Нос, скулы, морщинка между темными бровями... Удивительно красивые руки. Глаза – коньячно-зеленоватые, умные, смелые и отчего-то всегда чуть сумрачные, предгрозовые. Оставалось только гадать, какими страшными они могут быть, когда гроза все же разразится...

«Ну же! – хотелось крикнуть мне. – Решайся! Смотри, вот же она я – подрастерявшая свой звездный лоск и блеск, преисполненная благодарности к спасителю. Дела подождут, все подождет...»

Он упорно молчал, не произносил ни слова, но явно не желал прощаться и уходить.

И я не выдержала, побоялась, что добыча сорвется с крючка, что упущу удачный момент.

– Хотите убедиться сами? – заговорила я. – Насчет грима, я имею в виду. Завтра вечером у меня очередной концерт, приходите послушать, м-м? Я могу распорядиться, чтобы по-

том вас пропустили за кулисы, и мы...

– Нет, благодарю, – тут же чуть мотнул головой он.

И в лице его моментально что-то захлопнулось, закрылось.

Ох, черт возьми!

Сама все испортила. Вступила слишком рано, передавила. Твою мать...

– К сожалению, завтра у меня нет времени, – он снова разговаривал со мной подчеркнуто официальным холодным тоном. – Очень рад, что с вами все в порядке. Не рискуйте так больше. Я распоряжусь, чтобы мой человек подвез вас до отеля. До свидания, Айла.

– Алина, – поправила я, мягко улыбаясь. – Не забыли?

Мне хотелось заскулить от досады. Ведь уже почти получилось, почти...

По обыкновению, чем сильнее я злилась, тем приветливее и мягче держалась с виду. Олегу, я уверена, и в голову не пришло, что я сейчас готова была от ярости швырнуть ему в голову вон ту кадку с волосатой пальмой.

– Не забыл, – отозвался он. – Но едва ли мне, постороннему человеку, стоит козырять знанием вашего настоящего имени. Всего доброго.

Он кивнул мне, развернулся и вышел.

Ночью во время очередной встречи все в том же сладко провонявшем гашишем помоечном заведении я жестко по-

требовала от Володи:

– Мне нужна информация о нем. Досье, личные данные. Вкусы, привычки, хобби, слабости – все.

– Что, Радевич оказался крепким орешком? – хмыкнул Володя. – Обычно тебе как-то удавалось справляться на основе личных наблюдений.

– Мы сейчас будем тратить время на взаимные подколки – холодно уточнила я. – Или все же станем работать сообща для достижения наилучшего результата?

Я, конечно, знала, что Володя ехидничал вовсе не для того, чтобы меня задеть. Он всегда подспудно злился, когда мне доставались задания такого рода. Хотя никогда не выражал этого открыто, и, думаю, не признавался в этом даже самому себе. Однако что поделаешь: собственнические инстинкты, направленные на тех, кто нам не безразличен, всегда сильнее преданности делу и чистоте намерений.

– Ты права, – уже спокойно отозвался Володя. – Извини. Я достану информацию.

Следующим вечером после концерта в гримерке меня ждали две корзины цветов.

Одна была от моего преданнейшего здешнего поклонника Фаруха Гюлара. Во второй среди влажных стеблей роз обнаружилась маленькая серебристая флешка.

Володя всегда работал быстро и точно.

Санька обернулся ко мне, улыбнулся своей солнечной

улыбкой – и в ту же секунду что-то загрохотало, взорвалось. Глаза его закатились, мертво глядя мимо меня, а белые ровные зубы меж раздвинутых в улыбке губ окрасились кровью. Я хотела заорать, но крик почему-то застрял в грудной клетке, распирал ее, не давал пути воздуху, царапал горло. И я схватилась руками за шею, впилась в кожу ногтями, словно желая разодрать ее, выплеснуть этот крик на волю. И наконец все же смогла закричать – истошно, отчаянно!

А затем я проснулась.

Меня словно подбросило на постели. Кругом была чернота, кожу на шее саднило: должно быть, я и в самом деле во сне расцарапала себе горло. В груди надсадно болело.

Я поморгала мокрыми от слез глазами, как всегда в первые минуты бодрствования, пытаюсь понять: где я, что это за незнакомая квартира, что со мной случилось, откуда этот сухой, выедающий легкие ужас?

В ушах все еще оглушительно звенел мой собственный крик. Затем сквозь него стали просачиваться тихие ночные звуки. За стеной заскрипела кровать, дребезжащий старушечий голос забулькал:

– Опять орет, припадочная. Ни днем, ни ночью покоя нет.

В коридоре глухо хлопнула дверь, просеменили шаги босых ног по паркету, щелкнул выключатель – и в комнату вошла мама в ночной рубашке. Васильковые батистовые оборки уныло повисли на костистой груди, густые русые волосы непривычно струились по плечам, не закрученные в узел,

в сильной «музыкальной» руке был зажат шприц с успокоительным.

— Ну, что ты? Что? — раздраженно зашептала она. — Опять, что ли? Когда это кончится?.. Дай, уколою! Дай, не выдрючивайся!

Бедная милая мама, не умевшая ни пожалеть, ни посочувствовать, ни приласкать, ни каким иным способом выразить свою материнскую любовь и заботу...

Я понимала, что ее вечное раздражение, ворчание и постоянные жалобы на то, что я не даю ей спокойно жить, на самом деле — лишь свидетельство того, как сильно она за меня боится, переживает, заботится обо мне. Несчастливая, издерганная, разочарованная в жизни женщина, шестнадцать лет прожившая с человеком, для которого самым большим признаком проявления чувств было явиться домой не в 11 вечера, как обычно, а в десять и в порыве добродушия и любви ко всему человечеству походя чмокнуть жену в висок. Обнять дочь, поцеловать, приласкать было чем-то невозможным — немыслимым для мамы проявлением чувств!

Впрочем, если бы она вдруг решилась, я и сама, наверное, впала бы в ступор от неожиданности. Настолько несвойственно для нее это было...

Мать сделала мне укол — и паника, сдавившая грудную клетку, стала потихоньку отступать.

Я опустила на постель и замоталась в одеяло, чтобы провалиться в черное блаженное забытие без снов. Постель ка-

залась чужой – за год, проведенный в этой квартире, я к ней так и не привыкла.

Мать увезла меня в Москву сразу же, как я немного пришла в себя после похорон Санька.

Кажется, она и в самом деле сильно тогда за меня испугалась – я едва находила силы сползти с кровати, не ела, не спала, превратилась в иссохшую тень самой себя. И мама впервые в жизни отважилась на решительную перемену, вероятно, понимая, что только это и сможет как-то поправить ситуацию.

Официально было объявлено, что мне нужно продолжить обучение в лучших, больше подходящих раскрытию моего дарования условиях. На самом же деле мать увозила меня от родных улиц и стен, где все было пропитано воспоминаниями, где, кажется, из-за каждого поворота в любую минуту мог появиться Санек и улыбнуться мне своей лучистой улыбкой...

Его гибель навсегда перечеркнула во мне юношеское ощущение грядущего счастья, понимание жизни как некой волшебной силы, таящей в себе несметные дары и сюрпризы. Вместе с ним умерла и я – та, прежняя. Вместо нее родилась совсем другая личность, с которой я многие годы вынуждена была осторожно знакомиться.

Теперь, к сожалению, я уже очень хорошо ее знаю.

Мама не стала подавать на развод с отцом, но всем было ясно, что уезжает от него она навсегда.

Меня, впрочем, это заботило мало, я и так отказывалась с ним разговаривать после того, как он не помог мне в тот вечер, когда все еще можно было поправить.

Хотя не думаю, что он вообще заметил мой молчаливый протест. Когда мы прощались, уже на выходе из квартиры – мать суетилась, в тысячный раз перепроверяла, взяла ли билеты на поезд, не забыла ли мою папку с нотами – он шагнул ко мне, быстро скользнул сухими губами по виску и сказал: – Ну, давай, дочка! Учись! Смотри там, с москвичами этими поосторожнее. Все они говно людишки. Столица, мать твою растак...

И готов был уже, кажется, разразиться обычным своим агрессивно-ненавистническим потоком брани, обращенным ко всем, кому, по его мнению, чуть больше повезло в жизни. Впоследствии я задумывалась иногда: для чего он всякий раз задвигал эти странные обличительные речи? В самом ли деле был таким недалеким, озлобленным, пустым человеком? А может, скрывал за этими пустопорожними разглагольствованиями неуверенность, слабость, неумение любить и жалеть, как мать скрывала их за суетой, ворчанием и жалобами?

Выяснить это мне так и не было дано, потому что отца я больше не видела.

Помню, как мы спустились во двор. Кое-как сволокли

сумки по лестнице. Отец, разумеется, провожать нас не пошел – по телевизору как раз начинался какой-то важный футбольный матч. Теперь нужно было как-то дотащить наши пожитки до автобусной остановки – тратиться на такси мать, разумеется, не стала бы, ведь неизвестно еще было, как нам удастся устроиться в Москве и сколько понадобится денег на первое время.

Стоял ноябрь.

Деревья тянули в блекло-белое ватное небо голые замерзшие ветки. Размытая осенними дождями грязь под ногами замерзла буграми и припорошилась мелким первым снежком.

Мать подхватила чемодан, я кое-как вскинула на плечо сумку, и мы поковыляли к повороту на улицу, где находилась автобусная остановка.

– Алина! – вдруг гаркнул кто-то за спиной. – Алинка, стой!

Я обернулась.

Через двор к нам мчался Вовка. Тощий, смешной, в куртке, которая за лето стала ему мала, на голове – русский, недавно остриженный под машинку ежик. Он подбежал и остановился, отдуваясь и утирая покрасневший от холода нос тыльной стороной ладони.

– Уезжаешь? – коротко спросил и быстро глянул мне в глаза.

– Угу, – отозвалась я. – В Москву, Вовка. Хочешь, открыт-

ку тебе пришло.

– Не-а, – он помотал головой, постучал носком ботинка по какой-то мерзлой кочке и вдруг сказал:

– Алинка, не уезжай, а? Не уезжай, и здесь ведь можно учиться! Не уезжай, слышишь?

Только спустя много лет мне пришло в голову, что значило для него мое решение уехать. Как трудно, как больно было ему со мной прощаться... Тогда же мне казалось, что Вовка – смешной милый мальчишка, ничего не значащий эпизод из моего детства. Забудет обо мне через пару дней, да и все. Я слишком была оглушена собственным несчастьем и, наверное, на время утратила вообще-то собственную мне душевную чуткость.

Мать многозначительно кашлянула, расстегнула верхние пуговицы пальто и выловила из-под шарфа болтавшиеся на шее часы-кулон – наручных она, пианистка, никогда не носила.

– Мы на поезд опоздаем. Беги домой, Вовик!

– Ты чего без шапки? – спросила я. – Холод такой...

Он нетерпеливо мотнул головой, все так же продолжая буровить меня своими отчаянными глазами.

– Вовка, мне надо уехать, – сказала я. – Надо, понимаешь? Лучше ты ко мне приезжай потом, когда подрастешь.

– Надо? – переспросил он.

Затем кивнул каким-то своим мыслям, упрямо сжал губы, шагнул ближе и принялся решительно стаскивать с мое-

го плеча сумку:

– Ясно. Тогда пошли.

Он взвалил мою сумку себе на плечо, весь согнулся под тяжестью, попытался еще отобрать у матери чемодан, но та не отдала, замахала на него свободной рукой:

– Ты что, надорвешься!

Втроем мы дошли до остановки.

Вовка ничего больше не говорил, только шмыгал носом и смотрел куда-то в сторону.

Из-за поворота показался автобус, и Вовка словно только тогда окончательно понял, что я и в самом деле уезжаю. Он вдруг, забыв обо всем на свете, бросился ко мне, сжал, стиснул своими обветренными руками. И я навсегда запомнила запах его коротко остриженной припорошенной снегом макушки. Он держал меня так крепко, словно решил никогда не выпускать, не дать мне уехать, заставить остаться с ним.

Но вот подошел автобус, и я шепнула ему тихо: «Пусти, Вовка, пора!» – и он разжал руки.

Вовка помог нам забраться в салон, затолкал сумки и в последнюю секунду выпрыгнул в уже закрывавшиеся двери.

Автобус тронулся.

В окне мелькнуло маленькое мальчишеское лицо, покрасневшие веки. Наверное, от холода. Мороз и в самом деле для ноября стоял какой-то жуткий.

А потом автобус набрал ход и покатил вперед по серой заледеневшей улице. Мимо домов, детских площадок, корявых

лип, фонарей, скамеек, киосков. Мимо темного забора автозавода, мимо поворота на кладбище – там оставалась свежая Санькина могила, еще без памятника, с кое-как воткнутой в мерзлую землю оградой.

Автобус свернул к вокзалу.

В Москве мы поселились у маминой тетки Зинаиды Андреевны, одинокой вздорной старухи с консерваторским образованием. Зинаида Андреевна закручивала все еще густые, хотя и совершенно поседевшие волосы косой вокруг головы, литрами пила черный кофе, щедро сдобренный коньяком, курила тонкие сигареты, а выходя на улицу, неизменно подкрашивала сухие запавшие губы, обувала древнейшие лодочки и ветхую шляпку – этакая негибкая леди. Еще Зинаида Андреевна умудрялась своими артритными узловатыми пальцами извлекать удивительные волшебные звуки из старого, порыжевшего на углах от времени рояля. На тахте за этим самым роялем я и спала в первые годы моей московской жизни.

По приезду решено было сначала оглядеться, а затем начинать усиленно готовить меня к экзаменам в консерваторию, на вокальное отделение.

Но к весне я, немного отошедшая от накрывшей меня после Санькиной смерти апатии, внезапно взбрыкнула, объявила, что не желаю до конца жизни прозябать где-нибудь во втором ряду хора в заштатном музыкальном театре и по-

дала документы в училище эстрадного и джазового искусства. Мать пришла в ужас – впрочем, не такой кромешный, как могло бы ожидать. На самом деле она, вероятно, все же боялась моего сокрушительного равнодушия ко всему в последние месяцы и рада была, что я внезапно проявила хоть какую-то инициативу и волю к жизни. Зинаида же Андреевна мой выбор неожиданно одобрила:

– Солистками Большого театра становятся единицы, Жечка, – елеинным голосом заявила она матери. – Тебе ли не знать! А с эстрадным образованием она, в крайнем случае, всегда сможет в кабаке каком-нибудь блистать и неплохо зарабатывать. Не всем же такими бессребрницами, как ты, быть.

И залилась тоненьким смехом, некогда, вероятно, кружившим головы мужчинам.

Блистать в кабаке я, конечно, не мечтала. Мое тщеславие, благодаря которому я видела себя не менее чем джазовой звездой мирового масштаба, не способна была уничтожить даже та осенняя авария. Но чем она действительно меня наделила – так это отчаянным, не поддававшимся никаким разумным логическим доводам страхом безденежья. Я, раньше существовавшая, как птичка Божия – вся в мыслях об искусстве, собственном исключительном предназначении и музыке, не желавшая задумываться, откуда берется хлеб насущный, слишком хорошо теперь знала, чем грозит отсутствие денег. Я была твердо убеждена, бедность – это бессилие, бес-

помощность и одинокая смерть на продавленной больничной койке. И по примеру бессмертной Скарлет О'Хара я поклялась себе, что никогда не буду голодать. Нет, не просто голодать – никогда не буду нуждаться. Я солгу, украду, убью, если понадобится, но никогда больше не окажусь такой жалкой, растерянной и беспомощной, такой нищей и беззащитной перед лицом обрушившейся на меня беды!

И никогда больше не буду рассчитывать на помощь близких, никогда не поверю, что найдется мужчина, который вытащит меня из неприятностей или бед. Отец, вместо помощи одаривший меня очередной проповедью, навсегда подорвал во мне веру в близость между людьми, поддержку, взаимовыручку. «Если уж мой отец отказал мне, – рассуждала я, – то на остальных и вовсе никогда нельзя рассчитывать».

Отныне я твердо знала: верить нельзя никому, рассчитывать можно только на себя, и нет ничего страшнее в жизни, чем оказаться нищей и беспомощной.

Летом я поступила в училище.

Вступительные экзамены – сольфеджио, музграмота, сольное пение – прошли успешно, мне и готовиться особенно не пришлось, все это мне когда-то преподавали в родном городе. Для сольного номера я выбрала одну из песен, исполнявшихся когда-то Эллой Фицджеральд, и мать, поворчав и поохав, как водится, согласилась мне аккомпанировать на экзамене.

Наверное, свою роль сыграло то, что я совершенно не волновалась. Смерть Саньки как будто притупила все мои эмоции. Вся эта экзаменационная суeta по сравнению со случившимся казалась такой мелкой, не важной, не стоящей переживаний.

По большому счету мне все равно было чем заниматься. Вступительные экзамены? Ладно, почему бы и нет.

Вероятно, из-за отсутствия мандража я и спела на испытаниях так чисто, безошибочно и точно. Получила заслуженное «отлично», что, впрочем, тоже не вызвало во мне бешеного восторга. Мне все думалось, как мы с Саньком могли бы сегодня сдавать этот экзамен вместе, как радовались бы...

Но, когда после экзамена ко мне подошел коренастый начинающий лысеть мужчина с каким-то очень гладким, блестящим, словно только что вымытым с мылом лицом и предложил работу – вот тут я и в самом деле заинтересовалась.

– Я слышал ваше выступление, – начал он. Глаза у него были похожи на шляпки маринованных грибов – такие же круглые, темные, блестящие и какие-то скользкие. – Конечно, списки зачисленных в училище еще не готовы, но скажу вам по секрету: лично вам волноваться нечего. Считайте, что вы уже первокурсница! А я бы хотел предложить вам кое-что. Сами понимаете, студенческая жизнь – не сахар, стипендия – одни слезы. А хочется же хорошо одеваться, посещать концерты, рестораны... Я прав? – Он заговорщицки улыбнулся.

Прав он, на самом деле, не был. То есть был, конечно, но не во всем. Одежда, клубы и рестораны в тот момент интересовали меня меньше всего.

Но вот деньги...

Возможность не просыпаться больше по ночам от липкого кошмара, в котором я снова и снова умоляла отца дать мне денег, а он каждый раз отказывал, и Санька умирал, и я ничего не могла для него сделать.

Я даже не представляла, на что буду тратить эти самые деньги. Вероятно, считала, что просто стану складывать их в сундук, как безумный скупой рыцарь, и время от времени перебирать в психотерапевтических целях.

В общем, у меня, как у героини Лайзы Минелли в «Кабаре», от слова «деньги» в глазах вспыхнули значки доллара.

Панкеев – именно такова была фамилия импрессарио с грибными глазами – предложил мне работу в эстрадно-джазовом ансамбле «Black Cats».

Услышав озвученную мне сумму зарплаты плюс процент с концертных выступлений, я немедленно согласилась. Для меня, нищей провинциалки, тогда это показалось какой-то манной небесной, неслыханным богатством.

Деньги дали возможность снять квартиру, съехать от Зинаиды Андреевны, как-то устроиться в чужом нам с матерью городе.

Уже позже, немного пообтесавшись в Москве, проникнувшись здешней жизнью, я поняла, что Панкеев, разуме-

ется, в тот момент попросту обвел меня вокруг пальца, посулив заработок, и вполовину не соответствующий суммам, которые зарабатывал на наших выступлениях он сам.

Панкеев отличался невероятной предприимчивостью, в советское время стоившей ему срока за экономические преступления.

Тогда же, в «лихие девяностые», его предприимчивость и нюх на выгоду, больше не стесненные строгими законами, развились у него в полной мере. Он, кажется, способен был делать деньги из дорожной пыли, при первом же взгляде на нее определив, как и кому можно выгодно ее продать. И мы, вернее сказать наша группа, были для него одним из таких безотказно приносящих дивиденды детищ.

Группа ничем не походила на наш полудетский-полушкольный регтайм. Все было серьезно и по-взрослому. Днем я пропадала на занятиях, а по вечерам – на репетициях или выступлениях. Выступали мы, конечно же, не на городских мероприятиях, детских утренниках и отчетных концертах. Панкеев гонял нас по самым фешенебельным клубам тогдашней Москвы, заставляя вкалывать до седьмого пота.

Солисток нас в ансамбле было две: я и Вероника. Мы отлично с ней контрастировали: я – светлоглазая, русая, не потерявшая еще какой-то провинциальной свежести и наивности, и Ника – темноволосая, смуглая, дерзкая и решительная, даже слегка хамоватая, что почему-то особенно заводило наших подгулявших поклонников. Голоса наши то-

же отлично гармонировали, мой – низкий, глубокий, богатый интонациями, и ее – более высокий, звонкий и звенящий, как серебряный колокольчик. Когда мы с ней выходили петь «All that jazz» (наш ушлый импресарио был первым, кто решил притащить знаменитую бродвейскую постановку «Чикаго» в реалии тогдашней России), затянутые в одинаковые черные корсеты, перчатки выше локтей, чулки, обутые в специальные туфли для степа, синхронно резко разворачивались, выкидывали коленца, изгибались – в зале начинало твориться что-то невообразимое. Разгоряченные хозяева жизни, собиравшиеся в самых дорогих клубах, куда неизменно пропихивал нас Панкеев, ревели, свистели, стучали ногами, хлопали и едва не пускались в пляс у сцены!

Мы выступали в самых раскрученных ночных заведениях того времени. В клубе «Титаник», куда съезжались балованные сынки богатых родителей на навороченных «Ягуарах», где разжиться любыми наркотиками было не сложнее, чем стрельнуть сигарету, и из туалетов которого каждую неделю неизменно увозили кого-нибудь с передозом. В «Утопии», где снималась программа «Партийная зона», в прямом эфире которой мы также успели побывать.

Меня совершенно не волновал тогда шумный успех у мужчин. Я отлично понимала, что весь этот ажиотаж – не из-за моих вокальных данных, а благодаря симпатичной восемнадцатилетней мордашке, стройной фигуре и сценической пластике, которую все тот же Панкеев заставлял нас от-

рабатывать каждый день с нанятым хореографом.

Мои амбиции, распространявшиеся на международное признание, лучшие сцены мира и толпы восторженных почитателей, вовсе не удовлетворяло взбесившееся тестостероновое мужичье.

Вероника же казалась вполне довольной подобным положением вещей и после концерта нередко принимала приглашения пройти за столик, где заседала очередная компания толстосумов.

Как-то раз в тесной гримерке, которую мы, естественно, делили на двоих, она предложила мне:

– Тот мужик в сером пиджаке... Видела, за шестым столиком? Знаешь, кто это?

– Это тот, с глазами навывкате? Не-а, – покачала я головой, с наслаждением скидывая сценические туфли и вытягивая вперед ноги в темных чулках. – И кто же? Аль Капоне?

– Почти, – поиграла бровями она. – Хозяин «Металл Строй Инвеста». Слышала про такой?

– Кажется, да, – пожала плечами я. – Ну, и что? Нам-то какое до него дело?

– Такое, что он зовет нас после концерта проехаться к нему в... постой, как он это сказал? А-аа, загородную резиденцию! Поняла, да? Резиденция у него! А-ха-ха!

Вероника откинула голову на спинку стула и расхохоталась, сверкая красивыми ровными зубами. Затем тряхнула черными блестящими волосами и заговорила снова четко

и по-деловому:

– Там типа какая-то вечеринка для своих, а нас зовут выступить, ну и... скрасить досуг одиноких сердец. Сама понимаешь, в общем.

– Что? – возмутилась я. – Он за проституток нас принял, что ли?

– Он принял нас за тех, кем мы и являемся, – наставительно сказала Вероника. – Молодых нищих певичек, мечтающих о лучшей жизни. Одним трудом в поте лица, дорогая моя, карьеры не сделаешь! Если тебя мамочка такому учила, так выбрось лучше все ее наставления из головы поскорее. И подумай! Представляешь, какого уровня люди там соберутся. Если ты кому приглянешься, если понравишься... Мужики – они же как дети. Бери его, пока тепленький, и крути как хочешь. Похлопаешь глазами: «Ах, пупсик, ты у меня такой щедрый, такой милый! Знаешь, мне бы ужасно хотелось...» Ну, и там дальше вставляешь, что хочешь – клип на первом канале, концерт в «Олимпийском», гастроли в Париже... В зависимости от финансовых возможностей твоего Ромео. И тогда... – она мечтательно закатила глаза, – можно будет послать на хрен и Панкеева, и всю эту шарагу...

– И чем это, по-твоему, отличается от проституции? – ехидно спросила я.

– Ой, да и сиди как дура без подарка, если такая щепетильная, – отмахнулась Ника. – Паши на Панкеева до старости, пока он не выдоит тебя досуха и не выбросит за нена-

добностью. А меня такой расклад, знаешь ли, не устраивает.

Она живо натянула потрепанные джинсы, оттянула пониже вырез майки и направилась к выходу, бросив мне:

– Пока, последний оплот невинности и чистоты!

С Вероникой я в тот раз не поехала.

Но ее слова крепко засели у меня в голове. К тому моменту я уже отлично понимала, сколько бабла делает на нас Панкеев и какие крохи от его барышей получаем мы сами.

К концу первого курса училища я думала даже уйти из «Black Cats» и попробовать попытаться счастья где-то еще, желательно – заняться сольной карьерой. Но наш скользкоглазый импресарио быстренько объяснил мне, потрясая бумагами, что сбежать мне от него нет никакой возможности. Что контракт, который я некогда по юности и глупости с ним подписала, обрекает меня на пятилетнее практически рабское состояние. И что я могу, конечно, его в одностороннем порядке разорвать, если готова выплатить неустойку...

Таких денег у меня, разумеется, не было.

Нет, мы с матерью, устроившейся на работу в районную музыкальную школу, жили теперь благодаря моим гонорарам за выступления неплохо. И съехали, наконец, от Зинаиды Андреевны, не забывавшей каждый прожитый у нее день попрекать нас тем, что мы нахально злоупотребляем ее гостеприимством. Но тем не менее сумма, требовавшаяся для погашения неустойки, все равно была для меня заоб-

лачной.

Оставалось либо и дальше не высовываться и слушаться Панкеева, либо пойти по пути Вероники, всем сердцем надеясь, что однажды мне попадется не слишком прекрасный, но богатый и щедрый принц, который выкупит меня у чертова музыкального рабовладельца. И даст денег хотя бы на запись сингла, который можно будет разослать по студиям.

Разумеется, я была реалисткой и не рассчитывала, что на меня сразу же обрушатся золотые горы. Но это дало бы мне возможность хотя бы попытаться.

Однако по моим наблюдениям выходило, что у Ники на сексуальном фронте дела шли не слишком успешно. Она стоически принимала все приглашения, моталась по частным вечеринкам и мероприятиям «для своих», всякий раз уверяя, что вот на этот раз ей удалось подцепить серьезного человека, и теперь-то все получится! Пару раз кавалеры возили ее на выходные куда-то к морю, иногда дарили какие-то побрякушки, оплачивали платья и туфельки, но могли «одарить» и крепкими тумачами. Ника часто притаскивалась на репетиции злая, издерганная, не выспавшаяся, то хвасталась новым колечком, то старательно замазывала тональником фингал. К тому же, чтобы выдержать такой бешеный бессонный ритм жизни, Вероника явно что-то употребляла, становясь то резкой и раздражительной – в ожидании новой дозы, то исполненной кипучей энергии – сразу после того, как удавалось что-нибудь понюхать.

Такой стиль жизни был явно не по мне.

Нет, становиться на скользкую, а главное, не приносящую успеха дорожку Вероники я не собиралась.

Излишней щепетильностью я не отличалась, тут Ника ошибалась. Меня, разумеется, мама воспитывала, как воспитанную, чистую и честную девочку, готовую сколько потребуется ждать настоящей любви, а затем посвятить ей всю жизнь.

Вот только... вот только после случившегося с Саньком я словно погрузилась в какой-то кокон, напроць лишилась всех чувств. Отныне все, связанное с любовью, отчаянно меня пугало...

Моя эмоциональная апатия распространялась на все, что касалось отношений между мужчиной и женщиной. Что-то внутри меня захлопнулось в день его смерти – захлопнулось, вероятно, навсегда. Влюбленность, привязанность, страсть, близость теперь навсегда ассоциировались для меня со страшной, сокрушительной, выворачивающей нутро болью, которую мне пришлось тогда испытать.

И этой боли я отчаянно боялась.

Я подсознательно отметала все, даже самые робкие мысли и предположения о том, что могла бы когда-нибудь кого-нибудь полюбить...

Временами я размышляла о том, что все равно в жизни мне так или иначе придется контактировать с мужчинами,

раз уж я не собираюсь немедленно уходить в монастырь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.